

Фонд № 387
И. С. Шмелев
Картон № 7
Ед. хран. 4

Шмелев,
Иван Сергеевич

["Виноград"]
"На винограде" — рассказ.
листы разных редакций
1913
Машинопись с авторской правкой 34 л.

Правый край одного листа помят, загрязнен и надорван.

Общее количество
листов
34
// карт.
19 февр. 1913 г.

НА ВИНОГРАДЪ.

I

Каждый изъ нихъ задалъ пачпортъ, получилъ впередъ за полмѣсяца и распоряженіе — быть въ среду, къ двѣнадцати на вокзалѣ, у багажной кассы: тамъ имъ разыщутъ и дадутъ билеты на проѣздъ.

Первымъ заявился къ багажной кассѣ, высокій и худой парень въ кэпкѣ, сѣрой и въ желтенькомъ выгорѣвшемъ пальтецѣ на плечахъ, похожій на захудалого монтера или официанта изъ лѣтняго сада. На немъ были Пальто было ему узко въ плечахъ, и руки порядкомъ вылѣзли изъ рукавовъ, что его нѣсколько смущало: онъ то и дѣло натягивалъ рукава и, вообще, проявлялъ безпокойство: поглядывалъ на бо[а] вокзальные часы и слѣдилъ за входящими черезъ главный подъездъ. Осматривалъ себя, одергивалъ пиджакъ, поправлялъ шн[б] голубой шнурочекъ фантазіи, дергалъ за одергивалъ в[с] ежившійся воротъ пальто, выправлялъ шею. Вообще, волновался. Небольшой узелокъ ссунулъ[д] въ уголокъ, къ двери и закурилъ изъ жестяного портсигара. У про проходившаго ноду носильщика спросилъ развязно:

— Въ крымъ[е] когда отходить?...

Носильщикъ синеглазый ничего не сказалъ и постучалъ въ окошечко багажной кассы.

Безъ четверти въ двѣнадцать у багажной кассы появилась въ синемъ жакетѣ съ большими дутыми пуговицами и въ чесной кружевной косыночкѣ румяная сѣроглазая дѣвушка, съ большимъ бѣлымъ узломъ, который она тащила на животѣ.

— Ффу-у... Здѣсь, кажется, какссаі-то[ф] багажная? — спросила она внимательно разглядывавшаго ее парня.

— Точно такъ... Вы не въ Крымъ?

— Какъ же, какъ же... въ Крымъ... И вы въ Крымъ?

— Туда-съ... — уже весело сказалъ парень. Къ господамъ Скворцовымъ. — Вы сюда, къ сторонкѣ ставьте... Двѣнадцать скоро... а пока никакого результата.

Они поговорили о багажѣ, парень объяснилъ, что весь свой скрабъ зачѣ<мъ> же

тянуть такую даль, когда можетъ еще и не уживешься, все свое онъ оставилъ у брата, который на Басманной, что взялъ мѣсто такъ только, полюбопытствовать, что такое за Крымъ и для природы, сообщилъ, что на-

// л. 1.

стоящая его специальность — при газетахъ афишная, ну /служилъ при вѣшалкахъ, въ циркѣ, и, вообще, любить разнообразіе жизни. Сообщилъ, что <нрзб> ставить самовары и подавать, что требуется, по пансіону, — дѣло нетрудное. А въ Крымъ ему давно охота. Отрекомендовалъ — Василій Колотушкинъ. Дѣвушка рассказала, что ее зовутъ Саша, Александра Петровна, и что долго не рѣшалась поѣхать въ такую далищу. Но господа, у которыхъ она служила, два года, уѣхали за границу до зимы, и ей въ сущности все равно у кого служить до ихъ пріѣзда.

— По крайней мѣрѣ, свѣтъ увидите! — сказалъ парень. — Смотрите, пять минутъ перваго ужь... и никого нѣтъ...

— Въ Крыму, говорятъ, турки больше... а по морю поѣдемъ?

— Какъ сказать... Смотря потому какъ... Можно и по морю, можно и... вообще... И этотъ къ намъ...

Оба увидали, что въ шагахъ въ пяти отъ нихъ стоитъ высокаго роста, грузный старикъ, въ вишневаго цвѣта кофтъ подъ плисовой, повытертой у кармановъ кофтѣ съ отвислыми карманами, рыхлый и въ лицѣ и во всей фигурѣ. Стоитъ и оглядываетъ стѣны.

— Вотъ такъ дядя! — сказалъ парень. — И онъ въ походъ.

Грузный человекъ продолжалъ водить по стѣнамъ. Въ рукѣ у него былъ рывытертой [g], до желта саквояжъ, съ какими, обычно, старички ѣздятъ на богомолье. Въ другой рукѣ была дубовая клюка. Съ Горо [h] Сѣро-гороховаго тона бумажныя брюки упали складочками на широченныя ступни, изъ отвисшаго кармана кофты выглядывалъ уголокъ краснаго платка. На головѣ была потертая нето котиковая, не то плюшевая круглая шапока [i]. Опухшее бритое лицо тронул [j] отливало синью.

Онъ поднялъ палку, ткнулъ въ воздухъ, въ направленіе багажной кассы и медленно, и мягко ступая, подобрался къ кассѣ. Здѣсь онъ поставилъ саквояжъ на полъ, вынулъ платокъ и долго вытиралъ у ворота, тяжело отдуваясь. Потомъ громко высморкался, аккуратно сложилъ платокъ, взглядываясь в него, потыкалъ имъ въ себѣ въ носъ и медленно оглядѣлъ стоявшихъ, бѣлый узелъ у стѣны, кѣпку. И спросилъ хрипло, поглядывая сверху внизъ неожиданно тоненькимъ жирнымъ голоскомъ:

— Туда же? дожидаетесь? братики?

Отвѣтили оба съ большей готовностью, радуясь, что съ ними ѣдетъ въ такую даль такой почтенный и даже важный, несомнѣнно все хорошо знающій человекъ:

— Угу... — сказалъ бритый и сталъ разворачивать съ шеи теплый грязнаго цвѣта шарфъ. — Та-акъ-съ...

// л. 1об.

— Горничная будешь? — мотнулъ онъ дѣвушкѣ.

— Да-съ...

— Да, для уборки номеровъ...

Разспросилъ и парня, покачивая большой головой. Самъ заявилъ, что онъ

поваръ, и ѣдетъ, между прочимъ, такъ, на послѣдокъ дней развлечься, потому что... тридцать сорокъ лѣтъ пожарился, можно и отдохнуть. Скоро помирать, а, стыдно сказать, нигдѣ кромѣ Москвы не былъ. Ну, иногда онъ, хоть теперь и живетъ на покоѣ, у дочери портнихѣ — ходитъ на гастроль, если гдѣ хорошіе похороны, или тамъ — балъ у купцовъ домашній. Но теперь лѣто, зубы на полкѣ, ну, надо тоже и внучкамъ кое-чего<.>

— А, думаю... прокачусь! Погляжу... Море-море, а что такое море!

— Сказываютъ, туда черезъ высокія горы лѣзть надо.... А на грахъ снѣгъ никогда не таетъ...

Они приглядывались другъ къ другу и посматривали въ ожиданіи на большіе часы. Поваръ и показывавшіе уже половину перваго.

— А въ часъ отходить... — тревожно говорилъ Василі, выправляя шею.

— Можетъ еще и не поѣдемъ... — сказалъ поваръ. — Можетъ и къ лучшему. Тоже заберешься куда...

— Задала пачпортъ, а такая меня теперь жуть беретъ... — вздохнула Саша<.>

Только что наобѣщали очень хорошо... И назадъ даромъ билетъ выдадутъ.

— Вотъ то-то и есть... — сказалъ поваръ. — Хорошо гуси пѣли... а какъ.

Но тутъ появилась нанимавшія ихъ экономка — управляющій господъ Скворцовыхъ Собирайте

— Всѣ? Разъ, два, три... Три билета третьяго класса... На харчи вамъ... двое съ половиной сутокъ, по тридцать три копейки... по восемь гривенъ... Какъ пріѣдете, спрашивайте татарина Ибрагима на линейкѣ... телеграмма дана, отъ господъ Скворцовыхъ.

— Всѣ трое отвѣтили:

— Слушаю-сь...

— И больше ничего... Пачпорта пересланы почтой.

— До Севастополя первый звонокъ!

II.

Устроились хорошо. Была половина апрѣля, и въ третьемъ классѣ не было обычной давки. Повару уступили мѣсто у окошечка, противъ него сѣла Саша. Василій помогъ самъ уложилъ ея большой узелъ на верхнюю полку, предложилъ повару папиросу, но тотъ только мотнулъ головой и, досталъ<ъ> табакерочку и запустилъ двѣ хорошихъ понюшки. Попробовалъ [k] Угостился и Василій.

// л. 2.

— Господа какія деньги тратятъ — на море катаются, а вотъ намъ даромъ! — болталъ онъ, потирая красныя ладони. — Онъ уже снялъ пальтецо и повѣсилъ на [ш] и предлагалъ Сашѣ разоблачиться. — Виноградъ тамъ, яблоки<.> всякія фрукты... Вотъ покушаете, Александра Петровна! Давно я мечталъ<ъ> побываетъ въ далекихъ странахъ... Ей Богу, даже затрясся, какъ въ газетахъ прочиталъ объявленіе. Сколько разъ въ конторѣ просилъ, а тутъ вдругъ... А мы сейчасъ чайку закипятимъ, какъ остановка будетъ, у меня чайникъ хорошій... Будемъ чаекъ попивать да въ окошечки смотрѣть... И вотъ у насъ здѣсь еще нигдѣ и почки не разбились, а тамъ ужъ вѣрно всякіе цвѣты... Тамъ даже въ февралѣ мѣсяцѣ безъ пальтовъ ходятъ...

— Да что вы!

Поваръ хмуро смотрѣлъ на завертывающійся полосы только что освободившихся изъ-подъ снѣга полей, на побурѣвшіе и переходящія въ ле<т>кую зеленоватую сѣнь рощи. Уже побѣжала по солнечнымъ откосамъ бодрая веселая зеленая травка. Уже [m] Сверкали нестерпимо ярко канавы и лужи налитыя бурой водой до каревъ. Уже шумѣли грачи въ садахъ при станціяхъ. Когда поѣздъ останавливался [n] На остановкахъ сквозь еще не двойныя рамы вагоновъ доносились шумныя крики крики хлопчущихъ надъ гнѣздами грачей.

— Къ Троицѣ бы теперъ хорошо... — сказалъ поваръ. — Воздухъ легкой грудь отходить... А тутъ отъ такой поры ѣдешь не знамо куда...

По три раза въ день пили чай съ ситнымъ. Василій покупалъ на складчину<.>

— Вамъ объ этомъ раньше подумать, Мартынъ Маркычъ. —

Къ Тулѣ уже хорошо ознакомились, точно уже давно жили вмѣстѣ, дружно пили чай и закусывадди [o], радушно угощая своимъ запасомъ. У паренька въ узелочкѣ появились печеныя яйца, поваръ предложилъ не побрезговать телятинкой, которую онъ вкусно нарѣзалъ тонюшенькими ломтиками и какъ то и проперчилъ по вкусу, а Сашенька — ее такъ называли оба — конфузливо и долго копались въ свемъ узлѣ и попросила попробовать "домашнихъ пироговъ, которые поваръ назвалъ отмѣнными.

— У меня сестрица очень замѣчательная бѣлая кухарка.

— Сразу видно... — сказалъ поваръ. — Только чуть подсушено.

Какъ большая станція съ буфетомъ, поваръ начиналъ крикать всѣ трое выходили посмотреть, что тамъ есть и просили ѣхавшаго съ ними блѣднаго и сильно кашлявшаго молодого человѣка присмотрѣть за вещами. Молодого человѣка про себя называли чахотный и рѣшили, что ѣдетъ въ Крымъ лѣчиться. Въ буфетѣ второго класса, первымъ входилъ Мартынъ Мартынычъ, а за нимъ, не совсѣмъ увѣренно, молодежь. Поваръ внимательно приглядывался къ сервировкѣ и въ [p] строгимъ взглядомъ оцѣнивалъ, какъ обстоитъ

// л. 2об.

III

Море... Синее... Оно открылось имъ въ горахъ, съ высокаго перевала<.> На горахъ забывается земное, маленькле [q], свое. Оно гдѣ-то тамъ, подъ ногами... Но побѣжала внизъ бѣлая дорога, къ пансіону господина Винда — "Морской Берегъ"...

За мѣсяць приглядѣлись и привыкли къ морю, точно и не было его передъ глазами, какъ привыкаютъ къ небу. И къ горамъ приглядѣлись, — все онѣ передъ глазами, точно и нѣтъ ихъ, и къ чернымъ кипарисамъ, и къ большимъ, какъ верба надъ рѣчкой олеандрамъ цвѣтущимъ въ кадкахъ, и къ раскинувшимся широкими зонтами точенымъ мимозамъ рѣзнымъ въ розовомъ пухѣ цвѣта. И къ бѣлымъ птицамъ на морѣ — парусамъ далекихъ баркасовъ.

Есть они и нѣтъ ихъ.

Хорошо море въ солнцѣ — отливающая сереброглубымъ серебряная парча, и въ вѣтрѣ хорошо — синій-синій, играющій бѣлыми хлопьями покровъ, съ бѣлвѣ бѣлой пѣнѣ по берегамъ, и при тихой лунѣ, съ долгимъ играющимъ столбомъ, съ серебрянымъ золотисты столбомъ на дальнемъ краѣ. И горы хороши: отойди

подальше и смотри. И видишь покойную силу и настороженное молчаніе, и зелень и сверканье, и гнѣзда неизвестныхъ птицъ, прилѣпившіяся по уступамъ и трещинамъ — невѣдомыя счастливыя деревеньки; и ни точки невѣдомыхъ тропъ и дорогъ. И идетъ въ душу покой, и кажется что есть еще счастливая, ничѣмъ не возмущаемая жизнь тамъ, на горахъ.

Хорошо и ночное небо и звѣзды на немъ. Играютъ они по морю стрѣлами. Выплыветъ изъ—за черныхъ хребтовъ, изъ—за колючей гривы закинувшихся на вершины сосенъ, немерцающій рубинъ Марсъ, красный глазъ, а на восходѣ утрення звѣзда на маковкѣ, точно бѣлый, поставленный на горѣ свѣтъ.

Хорошо все это, и учитель Дроздовъ изъ 8№, зналъ про все это много стихотвореній и читалъ ихъ барышнямъ изъ 10№, при лунѣ, на самой верхней терасѣ пансіона.

"На морѣ праздникъ, воскресенье!..."

Онъ устраивался очень удобно: клалъ ноги на круглый столикъ, отваливался въ на раскидномъ стулѣ, складывалъ руки на пикейной груди, и читалъ наизусть, а лунный свѣтъ игралъ ложился въ морѣ кольцомъ, охватывалъ все вокругъ, обливалъ горы, еще чернѣе чернилъ ки затаившіеся кипарисы, отражался въ глазахъ Дроздова и на копчикѣ вычищеннаго подъ лакъ желтаго штиблета, и на вычесанной на косою проборъ, въ мѣру намаженной головѣ.

// л. 3.

... И въ перламутровый уборъ
Вперяя взоръ свой ослѣпленный,
Кричу я въ слѣдующій просторъ:
О Море!..."

И слушали прекрасныя слова учителя Дроздова барышни, черные кипарисы за кресломъ и самъ онъ, чортъ намаженный, такъ окрестила Дроздова Саша<.>

А въ другомъ концѣ пансіона, въ виноградной бесѣдкѣ хоръ молодыхъ голосовъ<.>

— Куда же вы такъ спѣшите? — спросилъ онъ ее недавно, когда принесла она ему на ночь графинъ свѣжей воды.

Сталъ въ дверяхъ своего № и не растопырилъ руки.

— Вамъ нравится море? — спрашивалъ онъ ее, любясь смущеніемъ, и загорѣвшимися щеками, и бѣлымъ передникомъ съ голубенькой кромкой, и бѣгающими по краямъ передника пальцами.

И хотѣлъ обнять, но она вывернулась и проскользнула въ дверь, и кинула съ собою:

— Чортъ намаженный!

— Коже это вы такъ? — спросилъ невидимый въ ночи, сидѣвшій на кресла<хъ> подъ кипарисомъ и смотрѣвшій на звѣзды Иванъ Михайлычъ изъ Харькова, банковскій служащій.

И этого знала Саша: онъ часто пристально и особеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее за тальбдотомъ, когда она разносила порціи. И пропѣлъ вслѣдъ ей:

Приди — и подъ кровомъ теплой но—о—чи...

Она была хороша, въ бѣломъ передникѣ съ голубой кромкой, и въ синей съ

бѣлымъ наколкѣ, выданныхъ ей Августой Ивановной, хозяйкой. Она была проворна и даже вертлява, — такъ называлъ ее учитель Дроздовъ. За мѣсяць она подгорѣла и похудоѣла, за мѣсяць она поняла. Что нравится многимъ мужчинамъ здѣсь, и старымъ, и молодымъ, и даже пожилой винодѣль, къ которо выдававшій ей ежедневно передъ обѣдомъ бутылки сотерна, рислинга и кабернэ для мужчинъ, и мускаты розовый для дамъ, крикалъ ей вслѣдъ<.> А она знала это игриво, позванивая бутылками, выбѣгала изъ подвала подхвативъ синюю юбку. Она была очень хороша, и даже толстякъ Виндъ, кругленькій и лысый, одобрительное поглядывалъ и щуриль глазъ. Она была хороша, и уже первый мѣсяць службы показалъ ей, что она поѣхала сюда не напрасно. Лѣсничій изъ Ківа уѣзжая далъ ей три рубля за службу и даже звалъ къ себѣ въ горничныя на двѣнадцать рублей.

Брадь за подбородокъ и подрагивающимъ голосомъ спрашивалъ:

// л. Зоб.

— <Нрзб> а? Но ты всетаки подумай, а?... Маленькая!

Онъ далъ ей карточку съ адресомъ и ущипнулъ за щеку.

За этотъ первый мѣсяць она привыкла и къ взглядамъ, и къ разставленнымъ въ дверяхъ комнатъ рукамъ, и къ намекающему шопоту, и къ голымъ откровенностямъ, и открыла секретъ безнаказанно огрызаться и кидать въ глаза:

— Безстыдные вы какіе!

И ничего — слышала только смѣхъ.

И когда, покончивъ съ самоварами, Василиій присаживался на минутку передъ тѣмъ, какъ накрывать ужинъ, и спрашивалъ Сашу[r]

Тридцать комнатъ было въ пансіонѣ Винда, съ балконами и безъ балконовъ, на море, и на горы, смотря по цѣнѣ, на солнцѣ и въ холодокъ, смотря по тому, кто что любить. Съ Объ этомъ говорила огромная синяя вывѣска на столбахъ, на набережной, закрывавшая половину моря, если смотрѣть съ бѣлой дороги, единственной дорогѣ, по которой катили пріѣзжіе. Бѣлыми буквами по синему кричало: Лучшій пансіонъ Винда! <">Морской Берегъ!" Образцовая кухня! Поваръ изъ лучшаго московскаго ресторана!

И когда прочиталъ это Василиій, и показалъ повару, тотъ не повѣрилъ, не успѣлъ самъ прочитать, и въ тотъ же вечеръ отправился нарочно посмотрѣть. Да, на свѣжей вывѣскѣ дѣйствительно было написано: поваръ изъ лучшаго московскаго ресторана.

Учитель Дроздовъ любилъ море и звѣзды и читалъ стихи. И Виндъ тоже любилъ море. Не будь его, не было бы и "Морского Берега". А стихи пѣть, смотрѣть на него... Виндъ уже повидалъ его довольно за пятнадцать лѣтъ. Повидалъ его съ голаго мѣста, когда не было никакого пансіона, а такъ — заросли на пустырь: кизиль да держи-дерево. Повидалъ и съ мѣста засаженнаго кипарисомъ и мимозой, персикомъ, черешней и миндаемъ съ площадокъ, усыпанныхъ мелкой галькой, съ балкончиковъ и терасъ, изъ всѣхъ оконъ, всѣхъ домиковъ, <нрзб> пансіона, налѣпленныхъ съ усыпанныхъ и вынутыхъ въ горкѣ площадокъ. Насмотрѣлся, нарадовался, а теперь и смотрѣть нечего да и времени нѣтъ. Теперь только прикидывай на счетахъ да заноси въ книги<.> Теперь только слѣди, чтобы не сдирали мальчишки съ городскихъ угловъ объявленія: лучшій пансіонъ — морской берегъ. Только посматривай, какъ подкатываютъ съ бѣлой дороги фаэтоны съ чемоданами и

корзинами и запыленными путешественниками, жаждущими покоя. Только слѣди, подставлены ли новыя приборы за столомъ, все ли въ порядкѣ.

// л. 4.

Только дѣлай веселое лицо да успѣвай рассказывать, какъ за пятнадцать лѣтъ можно сказать, головой объ гору биль, чтобы поднять этотъ, можно сказать, первѣйшій пансіонъ.

Да, когда-то здѣсь прыгали козы и бродили коровы, драли себѣ бока колючками, а онъ самъ развѣшивалъ въ порошки въ аптекѣ, вотъ въ этой самой аптекѣ, что на горкѣ. А теперь... теперь приходится отказывать многимъ — занято все, и уже до сентября расписаны комнаты. Далеко до моря! А что значитъ четверть часа по хорошей дорогѣ, берегомъ рѣчки, прохладнымъ овражкомъ, салочками... А какже не Морской Берегъ, когда какъ на ладонкѣ виденъ весь пляжъ, а въ зрительную трубу можно рассмотреть все до мелочей, даже /увѣрю!/ правильно ли выстрижены на ножкахъ ногти! Труба... въ полномъ пользованіи, когда угодно. Да какъ же не Морской Берегъ, когда, чортъ возьми, только потяните носомъ, пахнетъ, пахнетъ этимъ іодомъ отъ водорослей, вотъ только чуть ударить прибой, да выкинетъ на песокъ... и Слава Богу, и изъ Кіева есть, и изъ Петербурга, и изъ Москвы, и даже изъ Сибири. Годами ѣздятъ. Въ прошломъ году вонъ въ томъ угломъ, на горы стоялъ прокуроръ палаты, въ третьемъ году вице-губернаторъ изъ Забайкалья, профессора изъ Лѣснаго Института. Полюбопытствуйте въ книгѣ /какъ же, какъ же есть для почетныхъ посѣтителей. Пожалуйста, очень пріятно. Да и Многіе Нѣкоторые даже смущаются — аристократическій пансіонъ! Ну да, аристократическій. Но... вотъ тутъ-то и почва для соприкосновенія слоевъ, такъ сказать... Какъ хотите, а времена-то ужъ не тѣ, не тѣ... Пробивается новый элементъ. И не тотъ уже недоступный Крымъ... Теперь лѣтній сезонъ, ситцевый сезонъ. Блуза и капотъ, да и то самый легкій, демократическій капотъ, если позволите. И это надо привѣтствовать. И недалеко время, когда на эти берега хлынетъ вся /о, увидите!/ вся трудовая вся, увѣрю васъ, вся дѣловая, то-есть не то что дѣловая, а вся работающая Россія! О, когда въ ширь пойдетъ, и видите, эти горы, вонъ голыя-то, голыя-то... все подъ пансіоны... подъ трудовые, демократическіе пансіоны. Девизъ: солнце для всѣхъ, море для всѣхъ, и за самую доступную плату. Шестьдесятъ рублей полный пансіонъ... Съ поваромъ самымъ лучшимъ поваромъ, изъ самага первѣйшаго ресторана, изъ Москвы. Только случай, необыкновенный случай! Поѣхалъ для климата, погрѣться! Куча всякихъ аттестатовъ, и отъ камеръ-юнкера Вострухина, и... Ну да, тотъ самый Вострухинъ, который... Въ прошломъ году была бѣлая кухарка но развѣ бѣлая кухарка можетъ такъ... Ну, вотъ видите... А супы! Каковы супы! А котлеты изъ телятины съ мозгами! А, вы только со вчерашняго дня... Вы еще не пробовали фаршированные кабачки и рагу съ рисомъ изъ молодого барашка! А морковный соусъ! Нѣтъ, какой случай. Иванъ

// л. 4об.

тутъ жилъ, вчера уѣхалъ... началъ управляющій Казенной палаты и терпѣть не могъ ничего морковнаго... Да, да, прекрасно по-русскому говорю, сорокъ лѣтъ въ Россіи, второе отечество... И вотъ онъ... принялъ морковное пюре... за пареную и протертую цвѣтную капусту! Дѣло мастера боится... Семьдесятъ па барышня изъ

7№, — съ матушкой, которая ходитъ въ красномъ капотѣ... изъ ну да, изъ лѣваго флигеля. Ага, ужъ замѣтили... Охъ, молодой человекъ... Понимаете, цѣлая драма, цѣлая драма... Мадамъ говорила мнѣ... на границѣ самоубийства была... очевидно любовь и тому подобное... прїѣхала, ну, какъ солома... то—есть... то—оненькая, какъ спичка... игла... и разъ—разъ... въ одинъ мѣсяць на десять фунтовъ! Чѣмъ объяснить... Моя Августа Ивановна любитъ гурьеву кашку. Знаете, такое воздушное... И это необыкновенно... Необыкновенно. Что онъ туда кладетъ, сажаетъ, непонятно, но это, это... Да, да... Такъ съ васъ за полный пансіонъ шестьдесятъ... и №29 виноватъ... двадцать девятый... Сорокъ пять рублей... Нѣтъ, не сорокъ никакъ не сорокъ... Это ошибка... не можетъ быть сорокъ... Благодарю васъ... Виноватъ, у меня квитанція... Точность, точность... бухгалтерская точность, какъ въ аптекѣ. Ха-ха-ха... Благодарю васъ, благодарю.

Было здѣсь все, что бываетъ въ приморскихъ пансіонахъ — правильно налаженная жизнь, сносный комфортъ, и пра скучная праздность отдыхающихъ и накапливающихъ здоровье. Маленькій интересъ къ новымъ, маленькая подтянутость и слѣжка за собой и другими, неясныя ожиданія чего-то что можетъ случиться и что чаще всего не случается, позднія за день дт[s] отъѣзда, знакомства, много пустыхъ[t] болтовни, много ненужныхъ покупокъ повышен и[u] Шумные отъѣзды на пикники, дѣвичій смѣхъ звонкій, ожиданіе почты<.>

Съ шести часовъ утра Василій принимался налаживать самовары. Въ длинной кухнѣ, съ десяткомъ отдушинъ. Налаживалъ онъ ихъ въ дворикѣ у кухни, къ у у, наставляя десятокъ трубъ въ отдушины въ кухонной стѣны, ловко командуя десяткомъ пузатенькихъ никеллированныхъ самоваровъ, весело потрескивавшихъ стрекочущихъ искорками. И казались эти самоварчиками съ трубами на похожими на серебряныхъ жуковъ съ долгими черными носами. Они вразъ стрекали, вразъ начинали потрескивать, гудѣть шумѣть и фыркаютъ паромъ. Вразъ во всѣ онъ подкладывалъ угли, вразъ смахивалъ, точно обучалъ ихъ и готовилъ къ параду. И когда они начинали бить паромъ, казалось, что вотъ они сейчасъ по его слову двинутся, какъ мале<нь>кіе паровозы. Въ нихъ ярко играло солнце и на землѣ ложились отъ нихъ алая пятнышки огня подъ рѣшетокъ. Двадцать номеровъ пили чай свой чай, и муштру у Василю проходили дв сорокъ самоваровъ въ строго опредѣленно выученный чередъ. Первымъ шелъ самоваръ въ дальній номеръ, на горку,

// л. 5.

Изъ Одессы герръ Бокъ повернулся на бокъ
Отогрѣлъ лѣвый бокъ

Теперь онъ не смотритъ на море, и на горы не смотритъ. Горы смотрятъ на него съ бочковъ и пузиковъ самоваровъ и съ нихъ же бьетютъ[v] въ глаза десятокъ солнць, еще болѣе яркихъ.

И пока они набираются пара, тутъ же, у стѣнки дожидаются штиблеты и баретки и туфли чистки. Ихъ только семь паръ, потому что большинство носить[w] водить ихъ чистить на набе[x] чистится за утреннимъ чаемъ на скамѣчкѣ мальчишки черномазаго грека. Эти же все поручены Василю вмѣстѣ съ коробочками мази, только батюшка горѣлый чи[y] велитъ чистить ваксой. И пока самовары набираютъ

духу гудять, штиблеты вповертьв[z]танцуютъ на рукѣ Василя, поигрыв[aa] подѣ щеткой, поигрывая на солнышкѣ. Разъ–разъ–разъ, шмыгъ–шмыгъ. Когда они еще сыроваты, Василий водить твердо и медленно, и въ головѣ у него начинается намекать пѣсня; которую онъ, мурлыкаль бывало въ номерахъ, когда отдѣлываль за два часа полтора десятка за часъ:

Какъ у нашихъ у воротъ

И эта нескорая пѣсня постепенно ускорялась, когда ясныли косточки[bb] и бочк, и щетка веселѣй ходила: переходила въ болѣе высокій и скорый темп<ъ:>

Ой, люли у воротъ

Ой люли у воротъ!

И сильнѣй расходилась рука, прыгала и металась щетка и въ головѣ билось живое и веселое:

Ай барыня–барыня!

Все чаще и чаще, пока не выскакивала изъ руки щетка. И прыгали на головѣ бѣлесыя совсѣмъ выгорѣвшіе волосы, и взмокаль лобъ.

Потомъ щетка играла къ щеткѣ присоединялся вѣничекъ, и пока самовары И когда утаскиваль самоваръ за самоваромъ, въ промежуткахъ пробѣгалъ вѣничкомъ, то по брюкамъ учителя Дроздова, уже проснувшася и пока покуривавшаго въ постели, то по по брю сѣреньк[cc] зеленымъ въ діагональ брюкамъ студента Бока на штрипкахъ — всего у семерыхъ. Остальные это дѣлали сами или же просто встряхивали передъ дверями.

Уже первый мѣсяць ясно показалъ, что нѣтъ здѣсь золотыхъ горъ, и[dd] Когда подсчиталь онъ полученное за[ee] съ уѣхавшихъ за этотъ мѣсяць, оказалось восемь рублей тридцать пять копеекъ пятнадцать рублей съ полтиной, изъ[ff] отъ двадцати нумеровъ. Конечно, это еще не былъ сезонъ, знаменитый виноградный, бархатный сезонъ, когда все сразу дорожаетъ, и комнаты, и пансіонъ, и фрукты, и когда наѣзжаютъ люди со средствами. Но пришлось купить двѣ пары туфель за четыре рубля, а господинъ Виндъ сдѣлаль замѣчаніе по поводу брюкъ. Пришлось для стола купить на базарѣ

// л. 5об.

къ ламповому фабриканту изъ Одессы, который ложился въ десять и вставаль въ пять: такъ онъ считаль самымъ здоровымъ. Онъ часъ прогуливалс<я> по саду, послѣ приѣма какой–то жеудочной воды, смотрѣль, какъ выходитъ изъ–за холмовъ на востокѣ солнце, какъ возвращаются баркасы съ ловли, кефали, нагруженныя тростниковыми дорожками. Часто икаль и потираль у желудка, и радовался, что дѣйствуютъ вода. Втягиваль острый, горами надушенный воздухъ, чувствовалъ бодрость въ тѣлѣ и направлялся къ сараю, гдѣ спаль и Василий и поваръ. Стучаль ноготкомъ въ досчатую и говорилъ неизмѣнное:

— Самоварчикъ бы... въ пятнадцатый номеръ. — Эй! самоваръ въ пятнадцатый потираль руки "Лампошникъ"

Шель уже въ прискочку, потирая руки, а по аллейкѣ, поскрипывая корзиной подымался татаринъ кособокой и хромоу грекъ — отъ пекаря, несъ бублики и. Точно[gg]

Потомъ[hh] Начинался день съ ламповаго фабриканта[ii] изъ Одессы.

Потомъ изъ раннихъ были семичасники — вдова изъ Тамбова, оголтѣлая, весь день покупавшая у татаръ и итальянцевъ шали и всякую ерунду, ея двоюродный родной братъ, сосѣдъ, "долгоносый", котораго она подымала насильно чтобы пить чай въ компаніи. За ними слѣдомъ шелъ самоваръ къ обгорѣлому, батюшкѣ изъ Мелитополя, сжегшему себѣ все тѣло на солнцѣ. Онъ вставалъ Онъ выползалъ на свою тераску на га[[jj](#)]номерную галерею, желалъ вдовѣ "пріятнаго аппетита и говорилъ неизамѣнное:

— Погода-то!

Затѣмъ наступалъ перерывъ до восьми. Тутъ начинали сыпаться роємъ, и Василий заряжалъ пять добавочныхъ самоваровъ, подгоняя тугихъ керосиномъ. Шелъ черезъ дворикъ въ необходимое мѣсто "свистунъ", бритый, чѣ чесучовыхъ штанахъ и малиновой рубахѣ, нето аристь, нето изъ музыкантовъ, самое заводило вка[[kk](#)] по ночному пѣнію. Шелъ, посвистывая, и выщелкивая пальцами. А когда возвращался — пѣлъ:

— Мило-ордъ, поставъ-та самава-арчикъ... Скорѣй скорѣй, скорѣй, скорѣй! И Василий зналъ, что такимъ тономъ поется — Вотъ мчится тройка почтова-ая...

Шелъ бодро, подпрыгивая и даже ударяя себя пяткой. А въ это время, видимыя отъ кухни, на балконѣ лѣваго флигеля появлялся, въ верхнемъ этажѣ господинъ-сковродинъ, важный и никогда не разговаривающій ни съ кѣмъ петербургскій чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, спо[[ll](#)] "усы для пикану въ стрѣлку" и начиналъ, въ бѣлой рубахѣ, съ засученными рукавами и начиналъ упражнять гимнастику. Потомъ докатывался изъ дальняго нумера, откуда-то черезъ крышу, съ задняго плана, съ горы, голосъ

// л. 6.

Сухвертовъ господинъ, у котораго двѣ жены", потомъ Иванъ Семынычъ — просто, и еще Иванъ Семенычъ изъ[[mm](#)] въ желтыхъ башмачкахъ. Потомъ наступала передшка, если[[nn](#)] Потомъ наступала очередь "лѣннихъ": дама съ хроменькимъ мальчикомъ, Марья Никитишна у которой пять домовъ въ Москвѣ, акушерка изъ Саратова, сибирская заводчица Капустина съ дочерьми, лохматый, трефовый король /услыхалъ Василий, какъ барышни назвали его разъ: "трефовый король идетъ и самъ сталъ звать трефовымъ королемъ/, петербургскій нотаріусъ, шагала, [oo] Прибѣгала учительница и конфузливо кивая головой и прикладывая ручки къ поясу[[pp](#)] кожаному поясу, просила трогательно:

— Будьте добры, пожалуйста самоварчикъ намъ...

И самымъ послѣднимъ всегда самъ присылалъ прибѣгалъ тоненькій мальчикъ въ матросскомъ костюмчикѣ, Вовочка, сучилъ ножками и, долго разглядывалъ[[qq](#)] заглядывалъ всегда въ кухню на огромнаго повара и просилъ картавя:

— Папочка говоритъ, что же намъ самоваръ не несутъ... не даютъ. / О большомъ самоварѣ выше/

И еще подавались самовары, и еще мча[[rr](#)] леталъ Василий, мелькая желтенькими скороходами — онъ купилъ уже вторую пару "скороходовъ" на базарѣ, у турка — на ступенькахъ лѣстницъ, между, на сѣромъ гравіи, на галереяхъ, на к, еще сверкало солнце въ круглыхъ мѣдныхъ подносахъ, подъ мышкой и кидало зайчики то въ окно

то на бѣлыя стѣ-розовыя стѣны коттеджей, еще всѣ серебряные жуки собрались къ кухнѣ чиститься и вытряхиваться, а еще не приходилъ а уже по тераскамъ площадкамъ, по звонкимъ сухимъ дорожкамъ сада, въ зелени между кипарисами и олеандрами заиграли цвѣтныя пятна — алыя, желтыя, голубыя, бѣлыя, капоты, — капоты, блузки, блузы и пиджаки, спускались къ морю подъ зонтами, подъ чардами, подъ шарфами, въ соломе панамахъ и просто соломахъ и бѣлыхъ шлемахъ. Фабрикан[ss] изъ одессы[tt] медленно шелъ на солнечную площадку, обертывался какъ запеленутый въ черное полотнище и закладывался на диванчикъ, стави[uu]укрѣплялъ надъ головой бѣлый зонть и ложился до часу, когда подавали завтракъ. И дежалъ неподвижно, какъ мумія, разогрѣвая забаловавшія почки. И всѣ проходящіе мимо говорили: вотъ человекъ, который понимаетъ какъ надо лечиться. А студентъ Бокъ, острякъ пансіона, сочинилъ каламбуръ:

Пала черная ден[vv] тѣнь....

Зачинается день

Въ пансіонѣ почтеннаго Винда.

И лежала черная кукла

// л. 60б.

III

Къ концу мѣсяца затосковалъ поваръ по Москвѣ — по фонарямъ, по колокольному звону, по внучкамъ. Не было здѣсь ничего хорошаго — такъ, дикая сторона. Василий говорилъ:

— Тутъ климатъ замѣчательный... и притомъ море... очень замѣчательно...

— Море-море... — сердился поваръ. — Питъ мнѣ его, что ль, море-то твое?

И время здѣсь впередъ, а настоящаго дѣла не видать. Не нравилось ему, что камни подъ ногами, какъ орѣшки и дождичка нѣтъ, и мошки кусаютъ, и глаза отъ свѣту болятъ. Угостила его Саша бѣлой черешнями, пожевалъ — выплюнулъ.

— Не видалъ я дряни!

Засматривали пансіонные — что за поваръ изъ лучшаго ресторана, — и видѣли высокую грузную фигуру въ бѣломъ колпакѣ вееромъ. А поваръ ворчалъ въ кастрюлю:

— Поваровъ не видывали...

Какъ итти спать, присаживался на порожкѣ кухни и смотрѣлъ на море: все оно передъ глазами. Море темнѣло, дымное небо за нимъ казалось пустымъ и далекимъ и больнѣй чувствовалось одиночество и страшная даль ото всего, чѣмъ жилъ раньше. Вспоминалъ, что объ эту пору, на Пятницкой, сидитъ у воротъ кучеръ, а какъ зажгутъ фонари, пойдетъ въ пивную. И запахъ улицы вспоминался теплый, густой, съ пылью — покойный.

Темнѣло море. Звѣзды выплывали — чужія звѣзды. И голоса чужіе: звенѣло и трещало подъ горой, гдѣ-то — кузнецы не кузнецы; уныло кричало — ю-у... юу-у... нето сова, нето, Богъ ее знаетъ, что за птица. Жалующійся вой тянулъ за душу — молятся такъ здѣсь. Воютъ на все мѣсто — молятся.

Проходила мимо нанюшка докторши, изъ 2№, вела маленькую, голоногую дѣвочку, тащила за ручку, дѣвочка совсѣмъ раскисла, виситъ на рукѣ, а старшонькая еще прыгаетъ и поетъ: ла-ла-ла-ла-ла...

Вспоминалъ внучекъ — какъ онѣ тамъ...

Съ первыхъ дней не полюбилось повару... Кухня маленькая, тяга плохая, жарница, — въ кастрюлю потъ льетъ. Спать отвели чуланчикъ, ничего — чистенькій, а на стѣнахъ шутъ ихъ знаетъ, какіе-то рыжіе, червяки, волосатые. Мухъ ловятъ! Еще черненькія какія-то, шустрыя вродѣ ящериць. Первое время боялся спать — напугалъ Василій, что на смерть кусаютъ. Съ недѣлю въ сапогахъ спалъ, потомъ привыкъ.

Все было плохо.

// л. 7.

VI.

Хорошо море По холмамъ, на сухой комковатой почвѣ, въ буромъ лѣсѣ тычинъ, лежали ярко-зеленые лѣтомъ, краснѣющіе по осени виноградники. Тянули изъ сыпучаго шифера сокъ, съ солнца калящій жаръ и наливали грозди. Изъ этого сока и жара лѣто рождало и темное, точно кровь, и золотое, подъ солнце, вино. Только передній холмъ, на море, взятый въ аренду Виндомъ, давалъ сахарные сорта столоваго и лѣчебнаго винограда. Всѣ другіе холмы давали вино.

Надъ пансіономъ былъ рытый къ горѣ подвалъ, замкнутый желѣзной дверью, прохладный, выложенный камнемъ, старый, уже накопившійся на потолокъ сверкающіе сосочки. Отсюда пансіона бралъ вино — сотернъ и рислингъ, аликантэ, пахнущій розами, и густое бордо. Въ пряномъ дрожжевомъ духѣ лежали у стѣнъ грузными темными рядами пузатые дубовыя бочки съ мѣловыми надписями на днищахъ, метринами о рожденіи и именами: безпокойныя, шепчущіяся съ молодымъ виномъ, и молчаливыя, набирающія букетъ, — со старымъ. Бережно укрытая сила будущихъ мыслей, легкихъ и свѣтлыхъ, какъ солнце, тупыхъ и тяжелыхъ, какъ земля.

Сюда часто захаживали прїѣзжіе — посидѣтъ въ пахучемъ холодкѣ, въ скупомъ свѣтѣ, покоющемъ послѣ покойномъ послѣ буйнаго солнца. Любопытно пытливо оглядывали грузныя ряды, пробовали изъ стаканчиковъ, разглядывали на огонекъ, выдерживали на языкѣ, хвалили и еще пробовали. И когда выѣирались [\[ww\]](#) по кривымъ ступенямъ, еще ярче смѣялось солнце и зеленѣй били виноградники въ глаза и покойнѣй лежало море.

Сюда приходили къ подвальному Ивану Гусенко и учитель Дроздовъ, и бухгалтеръ изъ Харькова, и трефовый король, гулкій, какъ пустая бочка, и когда вставала надъ моремъ луна, отсюда катились надъ пансіономъ, и къ морю и къ горамъ хоровая пѣсня. Пѣли "Реве та отогне Дніпр широкий", и "Не искушай" — нотаріусъ и учитель Дроздовъ, и "Баламута" бравый Гусенко, и многое. А когда собирались сюда и капустинскія барышни, и брюнетка изъ 17 № и робкая учительница, учитель Дроздовъ читалъ на высотѣ, откуда далеко видно, стихи...

Хорошо спокойное море въ солнце — съ голубыми серебряная парча, и вѣтеръ — густо-синій, бѣлыми хлопьями волнующій просторъ. И на тихой лунѣ — темное, играющее чешуей въ лунномъ столбѣ, съ свѣтлымъ кольцомъ на дальнемъ краѣ.

И горы, всегда разныя и всегда тѣ же: покойная сила и настороженное молчаніе.

И ночное небо, и звѣзды, гуляющія по морю стрѣлками. Глядитъ изъ-за чернаго гребня, изъ-за колючій гривы немерцающій Марсъ, красный глазъ,

...На базаръ ходитъ сама хозяйка, а его только для осмотра беретъ, — поварь-то у меня воръ, такъ сама покупаю. А сама синихъ пѣтуховъ покупаетъ и такую говядину, что въ укусу держатъ надо, чтобы видъ ей дать Лукъ да кабачки да помидорчики — весь и базаръ. Ну, баранина туда-сюда, а цѣну по-московскому дупятъ. И до чего народъ несуразный! Упрется — двасать крпѣкъ — ни-куда! Хоть по башкѣ его бей — ни-какъ! Нѣтъ настоящаго народу. Хохоль какой попадется — такъ, степная воротяжка: що да що, а больше ничего. Нанимали на тридцать персонъ готовить, а выходитъ на шестьдесятъ съ мелочью. Кастрюлици по полведру, а всего кухонный мальчишка да судомойка хромая. За сорокъ-то рублей! Съ шести до восьми базаръ, потомъ до двухъ у плиты... Только завтракъ отправишь, приберешься, заставишь посуду почистить, — пѣтуховъ шпарить да щипать къ завтрашнему. Чайку попилъ — обѣдъ отправлять. А тутъ и ночь...

...А наобѣщали! Доходу никакого. Василью даютъ, Санькѣ даютъ, а повару кто дастъ? И не видитъ никто. Ужъ всегда заведено повару по лавкамъ получать, мѣсячное. А тутъ и лавокъ-то настоящихъ нѣтъ, — по кануркамъ вѣтромъ торгуютъ. И обычаевъ не понимаютъ.

Говорилъ Василию:

— Ничего для меня здѣсь не выходитъ, окрутили нѣмцы... Было во мнѣ тогда болѣзненное состояніе... Подмахнулъ я тогда сторяча...

И каждый вечеръ, передъ сизымъ небомъ за моремъ, досадовалъ, что подмахнулъ такое условіе, что никакими силами не выберешься отсюда до срока. И срокъ этотъ, конецъ сезона, — зловещимъ казалось даже это слово, сезонъ казался такимъ же пустымъ и далекимъ, какъ дымное надъ моремъ небо.

А условіе было крѣпкое, и подъ нимъ стояла его плетущаяся подпись — Мартынъ Егорычъ Форсенковъ. И всѣ истлѣвающіе по складочкамъ аттестаты были при условіи, у Винда, — и отъ каммеръ-юнкера Вострухина, съ коронкой, и изъ лучшаго ресторана, и отъ вдовы тайнаго совѣтника Фонтентросъ. Все забралъ довѣренный человѣкъ. Но хуже всего было, что каждый мѣсяцъ полжалованья должно оставаться въ залогъ до конца сезона вмѣстѣ съ билетомъ на проѣздъ.

... Наобѣщали-наобѣщали, а вышло...

Теперь поваръ видѣлъ, что вышло.

а на восходѣ утрення звѣзда стоитъ на маковкѣ, точно бѣлый, поставленный на горахъ свѣтъ.

Все хорошо, и учитель Дроздовъ зналъ про все это много стихотвореній и внятно читалъ ихъ на подвальной площадке, откуда далеко видно. Клалъ ногу на ногу и читалъ, а лунный свѣтъ обливалъ все вокругъ, блѣднилъ и тончилъ женскія лица, отражался и въ глазахъ Дроздова, и на носочкѣ палеваго штиблета, и на зачесанной на косою проборъ, въ мѣру напомаженное головѣ.

"Кричу я въ блещущій просторъ:

О, Море!

Не зналъ дальше и умолкалъ. И прожили секунды очарованія, и вдругъ вспыхивали сухія и жидкія здѣсь на высотѣ ладоши хлопки, а снизу казалось, что

высыпали на крыши мелкія камешки, и жившіій фабрикантъ, окошко котораго выходило къ подвалу, сердито захлопываль окошко.

Здѣсь Слупшала и Саша, си садилась у лѣсенки къ подвалу, на нижней площадкѣ, на лавочкѣ, невидная за кипарисами. И ждала, когда

// л. 8об.

Уже имѣль твердый разговоръ съ Виндомъ

А И когда особенно подкатило тоской, получилъ письмо отъ дочери. Писала, что слава Богу благополучно, ждетъ денегъ, по силѣ возможности хоть двадцать рублей.

Со дня на день накаливаль себя поговорить съ Виндомъ начистоту и твердо, объяснить все и потребовать полного расчета. Тутъ онъ сомнѣвался — не дастъ нѣмецъ расчета — и говорить нечего. Но тогда пусть прибавить.

— Ну ты, Вася, разсуди... ну какъ я могу, какъ я очень хорошіій поварь, на шестьдесятъ персонъ два раза въ день за сорокъ цѣлковыхъ! Вокругъ пальца обвелъ чортъ тотъ...

— Обязательно можете требовать, разъ для васъ нѣтъ тутъ никакого доходу...

И Саша отзывалась находу: все куда-то спѣшила, и глаза у ней бѣгали.

— Нельзя человѣка обижать...

И говорилъ такъ только, а сама все чему-то смѣялось — нето морю, не то солнцу, позолотившему за мѣсяць ея бѣлокурые волосы и зачернившему брови. И поварь видѣль, и Василиій видѣль, что она въ чемъ-то другомъ теперь, не съ ними.

— И посовѣтовать-то какъ слѣдуетъ не могутъ... — ворчалъ его поварь. Нѣтъ во мнѣ настойчивости — горе мое. Огрѣбать мастера, а посовѣтовать человѣку... Что я ему, въ плѣнь дался?

И удивлялся Василиій, какой Мартынъ Егорычъ слабый, хоть и великъ тѣломъ. И жалко было, да что тутъ посовѣтуешь? И своего много было, помимо самоваровъ, больного больно цѣпляющаго. Про Сашу говорилъ:

— Что съ нихъ требовать? Они теперь во всемъ порывѣ чувствъ. У нихъ теперь интриги завелись... Теперь намъ съ вами подушечки не предложить...

— Каждый только о себѣ думаетъ, а нѣтъ, чтобы прямо дружески... Я съ нимъ твердо буду говорить!

Даже всталъ.

— Разъ на мнѣ все тутъ держится, могу я требовать вниманія? Какъ по твоему, могу я какого-нибудь вниманія достигнуть, чтобы...

— Вы бы Сашѣ-то сказали что... На вашихъ же глазахъ происходитъ... Всѣ мы тутъ съ одной стороны, а вы какъ самый почтенный... скажите ей наше настоящее замѣчаніе. Такъ не годится...

— Надоѣль ты мнѣ, какъ грязь! Что ты мнѣ каждый день въ ухо точешь Скажите — скажите! Ты вотъ скажи, какъ мнѣ себя сберечь... Хлопочи

Ну, и говорилъ, и вчера говорилъ...

// л. 9.

— Ну и что же?

— Ну и то же. Поеть Хохлову пѣсню да въ глаза смѣется. Чисто ее тутъ кипяткомъ ошпарили. А съ Виндомъ ужъ я поговорю. ... я съ нимъ...

Вернулись съ прогулки учитель Доздовъ [xx] съ и "свистунъ" съ капустинскими

барышнями. Шли по, съ задней стороны, отъ горъ и пѣли хоромъ:

Ба Та–амъ за гранью непогоды

Есть блаженная страна...

Увидали Василю. Учитель Дроздовъ подошелъ къ Василю и скрестилъ на груди руки.

— Василий! Хотите сдѣлать доброе дѣло?

— Пожауйста... съ удовольствіемъ... — осклабился Василий.

Тогда Дроздовъ пригнулся, политвенно сложилъ руки и у груди ладошками и умоляюще произнесъ:

— Поставьте самоварчикъ!

Барышни захлопали въ ладошки — такъ удивительно вышло. И Василий смѣялся.

// л. 10.

III.

Уже къ концу первой недѣли затосковалъ поваръ, затосковалъ по привычному мѣсту, по Москвѣ, по пивной, по фонарямъ, по внучкамъ, по воздуху<.> Ничего хорошаго не было тутъ, такъ, дикая сторона. Народъ Публика, конечно, та же, а сторона дикая. Когда Василий пробовалъ объяснять ему, что всетаки здѣсь много замѣчательнаго и указывалъ на море, поваръ говорилъ сердился.

— Море–море! Пить мнѣ аего[yy], что ль? Море–то твое... Ну и смотри на него.

Какъ–то Саша спросила ласково:

— Времени–то тутъ незамѣтно совсѣмъ... все солнышко свѣтитъ...

— Нѣтъ тутъ его — и незамѣтно. Ничего тутъ настоящаго нѣтъ, одно кружало.

— Тутъ и времени–то нѣтъ настоящаго... Такъ, кружало..., какъ ненастоящее...

Ничего ему здѣсь не нравилось. Не нравилось, что подъ ногами, куда ни ступи — камень. Какъ орѣхи катаются. Когда ему Василий объяснялъ, что это хорошо, грязь<ъ> и отъ дождя не будетъ, пваръ отвѣчалъ:

— Разъ грязь, калоши для этого...

Не нравилась кухня, вѣчная спѣшка, пѣніе по ночамъ, постояльцы, заглядывавшіе въ дверь кухни — каковъ поваръ. Не было по празднику звона церковнаго звона, не было настоящихъ улицъ, мужиковъ на рынкѣ, трактировъ. И вечера настоящаго не было. Только солнышко сакатилось[zz] — не успѣлъ оглянуться — ночь. Василий пробов. /выше/ про море.

Передъ тѣмъ, какъ итти спать въ чуланчикъ, присаживался нса[aaa] порожкѣ кухни и смот,[bbb] и смотрѣлъ на море. Море темнѣло и казалось, небо за нимъ было думнымъ, сѣро–палевымъ, страшно далекимъ и пустымъ, и отъ этого сильнѣй чувствовалось одиночество и страшная даль ото всего, что чѣмъ жилъ раньше. Вспоминалъ, что объ эту пору, на Пятницкой, сидѣлъ у воротъ господ<ъ> хозяйскій кучеръ, посидить и пойдетъ въ портерную. А на дворѣ сапожники и скорняки, поужинавши, поютъ — Во Бронцахъ нова<я> кузница стоитъ, хлопаютъ жуковъ картузами. Даже запахъ улицы вспоминался, теплый, густой, съ пылью, и казался такимъ

// л. 11об.

что не прикинешь ни на какія цыфры на цыфрахъ и не измѣришь ничѣмъ

// л. 12.

Виноградъ.

I

Каждый изъ нихъ задалъ паспортъ и получилъ наказъ — во вторникъ, къ часу дня, быть на вокзалъ, у багажной кассы: тамъ ихъ найдутъ и выдадутъ билеты на проѣздъ.

Первымъ явился бѣлоусый парень, въ синемъ картузѣ и потертомъ пальтецѣ, съ узелкомъ: тутъ же подошла запыхавшаяся краснощекая дѣвушка, съ большимъ бѣлымъ узломъ, который она тащила на животѣ. Поглядывали на большіе часы, показывавшіе уже половину перваго, и внимательно сторожили входныя двери. Приглядывались. Наконецъ, парень по всѣмъ признакамъ, — по черной косыночкѣ, по узлу и по зеленому, съ дутыми пуговицами, жакету, — прикинулъ, что это горничная, и спросилъ осторожно и вѣжливо: не въ Крымъ ли, къ господину Винду? — Какъ же, какъ же... въ Крымъ? — радостно отвѣтила дѣвушка. — И вы тоже въ Крымъ?

— Какъ разъ тоже самое! къ господину Винду, для пансіона! Значить, и вы-съ... А вы въ сторонкѣ, сюда узелокъ-то... Часъ скоро, а покуда никакого результату...

Разговорились. Онъ замѣтилъ, что она поглядываетъ на его узелокъ, и рассказалъ, что все имущество оставилъ у брата, швейцара, на Басманной, а тутъ, конечно, самое необходимое. Тащить въ такую далищу, когда, можетъ, еще и не уживешься! Настоящая его спеціальность — по номерамъ, но лѣтнее время — мертвый сезонъ, а самовары-то подавать по пансіону — чего же ихъ не подать! А звать его Васильемъ.

Дѣвушка сказала, что все не рѣшалась ѣхать въ такую далищу, но господина уѣхали за границу до зимы — гдѣ-нибудь надо служить до ихъ пріѣзда. А звать ее Сашей. Онъ понялъ, что про за границу она прибавила для шику. Похоже, и они къ намъ...

Къ нимъ направлялся грузный мужчина, съ бритымъ одутлымъ лицомъ, въ <нрзб>, съ отвисшими карманами, мохнатой курткѣ вишневаго цвѣта. Пошелъ тяжело, фуфукнулъ протяжно, задвинулъ съ пропотѣвшаго лба взъерошенную, подъ котика, шапку, бросилъ на полъ рыжій саквояжъ и принялся отираться краснымъ платкомъ.

// л. 13.

ли, овсянки ли или еще какія, — Богъ вѣсть; то охватывало вдругъ медовымъ, — и не медовымъ даже, а такъ, и сладкимъ, и горькимъ духомъ. Жасминъ ли то или фіалочный духъ... И не жасминъ, не фіалочный, а невѣдомый какой-то: нето миндалемъ, нето монпасье пахнетъ, нето похоже на вѣра-віолеттъ. Не знала Саша. Потомъ ужъ поняла, чо это съ загородей потягиваетъ, съ путаныхъ кустовъ по заборамаъ, съ бѣлыхъ цвѣтовъ. Что за цвѣты? Богъ вѣсть.

А солнце выше и выше и нагрѣваетъ, какъ слѣдуетъ. А впереди что тамъ такое, большое, темное? А впереди, въ небѣ, — горы, темныя, сизыя. Ушли пдъ самое небо, закрыли дали, только онѣ и есть. И то вправо онѣ, то съ лѣвой стороны — вьется змѣей бѣлая дорога. Стоять и смотрять, какъ катитъ въ клубочкѣ бѣлой пыли маленькая, какъ козявочка, черная линейка, чуть-чуть видать, кто на ней. А кто они, маленькіе-маленькіе, какъ маковинки, какъ ихъ звать, откуда, зачѣмъ, — нужно имъ

развѣ? Стоять смотреть, сизыя и невѣдомыя тоже. А если долго смотрѣть на нихъ, долго-долго, такъ что въ глазахъ протянется сѣтка, и начнутъ набѣгать слезы, почувется убѣгающая мысль, какое-то неясное, темное чувство, жуткое чувство, что все видятъ они и все знаютъ, и все понимаютъ, потому что тары. Такъ стары, что перестали дивиться, — только смотреть.

Поваръ хвалилъ дорогу: нигдѣ не тряхнетъ, точно густо мукой посыпана. Обогнали арбу съ маленькимъ татарчонкомъ въ большой шапкѣ. Оглядѣли новое и посмѣялись на татарчонка. А тутъ подступили къ дорогѣ лѣса, густые, незнакомые, выступающіе изъ овраговъ; и если поглядѣть съ дороги, — внизу, подъ дорогой, лѣса и лѣса въ обрывахъ, зеленые, какъ лѣтомъ, залитые солнцемъ. А надъ лѣсами каменные стѣны: незамѣтно подобралась горы.

Съ перевала увидали вдругъ впереди и внизу — синее...

— Море... — сказалъ Ибрагимъ.

Такъ вотъ оно какое, море!.....

Ибрагимъ возился у колеса, подкладывая желѣзный тормозъ. А они глядѣли въ неожиданно открывшуюся имъ огромную дверь.

..... "Жилъ старикъ со старухой у самага синяго море..."

Вотъ оно какое... Господи, да какое же оно синее... большое... и кто его такъ засинилъ и чѣмъ засинилъ?! И небо синее, и не видно, гдѣ концы ихъ. Синее...

— Во-отъ.. — сказалъ Василій и засмѣялся. — Вѣдь это что-о! Какъ замѣчательно! Прямо нарисовано...

Поваръ сказалъ:

— Да-а... А ужъ и кручъ-то какая! Какъ бы въ оврагъ не смахнуть.

Саша смотрѣла безъ словъ. И отозвалось въ ней, въ неясной глубинѣ ея знакомое, такъ похожее цвѣтомъ — синька въ корытѣ...

// л. 14.

А глаза вбирали новое, это безкрайное корыто съ синькой.

И горы рядомъ, — влѣво горы, вправо горы, высокія: никогда не въѣдешь на нихъ. И снѣга еще уцѣлѣвшіе на маковкахъ, сверкающіе, какъ чисто вымытое бѣлье.

Винтами и петлями побѣжала внизъ бѣлая дорога на синее море, а оно яснѣло и вливалось въ глаза. Влилось, и никогда не уйдетъ теперь, хоть потеряй глаза, хоть уткнись въ темный уголъ на весь вѣкъ свой. Корыто ли съ синькой увидитъ взглядъ, къ небу ли синему подымутся усталые глаза, встанетъ оно, живое, и вольется въ душу. Все, цѣликомъ, огромное. Придетъ изъ-за тысячъ верстъ и вольется. Въ снахъ придетъ теперь и вольется...

IV.

Тридцать комнатъ было въ пансіонѣ, съ балконами и такъ, на море и къ горамъ, смотря по цѣнѣ; на солнце и въ холодокъ, кто какъ любить. Со всѣми удобствами. Такъ говорила вывѣска на берегу, закрывшая половину моря, если смотрѣть съ шоссе, — бѣлымъ по синему: "Пансіонъ Винда — "Морской Берегъ". Были усыпанные гравіемъ, вынутыя въ горѣ, площадки, сверкающіе на солнцѣ бѣлые домики въ зелени, аллейки подрастающихъ кипарисовъ, выющіяся по горѣ дорожки, цвѣтушіе олеандры въ кадкахъ, застекленные веранды...

Обо всемъ этомъ подробно и горячо говорилъ прїѣзжимъ самъ Виндъ румяный и круглый, какъ колобокъ.

... Лучшаго пансіона нѣтъ въ окрестностяхъ! Это всѣмъ извѣстно, и не стоитъ объ этомъ говорить. Одинъ видъ на море! А кто же не любитъ моря?! Не будь моря, не было бы и "Морского Берега"! Хе-хе... А кто никогда еще не видалъ моря да взглянуть на него вотъ отсюда, съ этой площадки, тогда и два, и три мѣсяца будетъ смотрѣть и никогда не устанетъ смотрѣть. Самъ онъ уже пятнадцатый годъ смотритъ и все смотрѣть. А чего стоило все это удовольствіе! Къ землѣ приступа нѣтъ, и онъ снимаетъ только въ аренду. И вино не его — пансіонъ забираетъ изъ сосѣдняго подвала, совсѣмъ близко, только подняться по лѣсенкѣ, на верхнюю площадку. Вотъ вино! Такое вино, что... И такое виноградъ, какого нигдѣ нѣтъ: почва такая. И вотъ за пятнадцать лѣтъ что сдѣлано! Всѣ эти площадки въ горѣ, лѣсенки, кипарисы, персики, миндаль!.. А было что! Пустырь, козы бродили, драли бока колючками, — держи-дерево да кизиль, всякая дрянь. Тогда еще онъ развѣшивалъ порошки въ аптекѣ, въ той, что на горкѣ. А теперь все прекрасно налажено и вотъ результатъ: почти до сентября расписаны комнаты. До моря далеко? Да всего-то десять минутъ по рѣчкѣ, са-

// л. 15.

дочками, въ холодкѣ. Зато прямо какъ на ладонкѣ весь пляжъ! А въ трубу, — она на верхней площадкѣ, гдѣ дорожка къ винному подвалу, — такъ въ нее все, все... даже какъ чабанъ на горахъ папироски крутить. А если на пляжъ, такъ положительно все, въ мельчайшихъ подробностяхъ, самые даже ноготки на ножкахъ. А зато, когда штормъ, ти-ши-на... А для нервныхъ-то — и говорить нечего. Вотъ въ прошломъ году прокуроръ палаты... тр<и> пансіона перемѣнилъ, прїѣхалъ сюда. Ти-ши-на! Теперь живетъ заводчица изъ Сибири, съ дочерью, почтенный человекъ — нотариусъ изъ Ківа, консервный фабрикантъ изъ Одессы, директоръ гимназій... Но просто-та: въ капотахъ, блузки — время! Уже не тотъ тонъ, пошло демократическое! — О, теперь скоро хлынетъ вся... Да, да, я хорошо говорю по-русски... вся дѣловая... вся работающая Россія, да, да... И скоро всѣ эти горы, и тамъ все... все подъ пансіоны, подъ пансіоны... Здоровье, здоровье — самое важное!

Очень подробно рассказалъ:

— Да, да, замѣчательный поваръ, изъ лучшаго ресторана, изъ Москвы. Въ прошломъ году была бѣлая кухарка, но развѣ бѣлая кухарка можетъ... А супы! Ахъ да, вы со вчерашняго дня только! Такъ еще не пробовали, какъ онъ готовитъ фаршированные кабачки? А морковій соусъ! Вотъ случай былъ. Жилъ у меня генералъ одинъ, управляющій какой-то палаты, такой чудной старичокъ — не могъ ничего морковьяго! И, знаете, съѣлъ морковье пюре, принялъ за тертую цвѣтную капусту! Да, да! И вотъ еще... Тутъ въ семнадцатомъ номерѣ у меня барышня живетъ, въ красномъ капотикѣ ходитъ, такая интересная, брюнеточка... Ага, замѣтили! И вотъ прїѣхала ну, какъ солома... то-есть, какъ... спичка, и разъ-разъ, въ одну недѣлю на семь фунтовъ!

За мѣсяцъ приглядѣлись и привыкли къ морю, какъ привыкалъ къ небу. И къ горамъ приглядѣлись, — все онѣ передъ глазами, точно и нѣтъ ихъ. И къ бѣлымъ птицамъ на морѣ — парусамъ далекихъ баркасовъ.

Есть они и нѣтъ ихъ.

И пошли дни, точно и ихъ не было, вливаясь одинъ въ другой, всѣ одинаково солнечные, жаркіе, долгіе, всѣ безъ отмѣтинки.

Съ шести утра Василій принимался налаживать самовары. Налаживалъ во дворикѣ, у кухни, десятокъ пузатенькихъ, сверкающихъ никкелемъ, весело стрекочущихъ искорками. Стояли они рядомъ, съ косыми черными трубами на перекладинкѣ, и издали казались похожими на круглыхъ серебряныхъ жуковъ съ долгими хоботками. Они вразъ начинали потрескивать, шумѣть и фыркать. Вразъ во всѣ онъ подкладывалъ уголья, сбрасывалъ трубы, и когда начинало бурлить и бить паромъ, вразъ накрывалъ крышечками накося, и тогда самоварчики принимали очень лихой и задорный

// л. 15об.

видъ, точно хорошо начищенные для парада и теперь отпущенные строевые. Съ пузатыхъ бочковъ ихъ били яркія солнца, смотрѣли черными иглолочками кипарисы, маленькія горы, и десятокъ расплывшихся красныхъ рожъ широкими ртами смѣялся Василию изъ этой шеренги.

Выходилъ изъ прикухоннаго чуланчика поваръ, скребъ синія щеки, прокашливался.

— Ну, пора и за кабачками на базаръ, покуда не растащили...

Августа Ивановна уже кричала за розовой стѣнкой олеандровъ:

— Василій, буди повара на базаръ!

— Травоѣды несчастные. Нанимался я ходить за ней по базарамъ...

Надѣвалъ вишневую куртку, забиралъ пару карзинъ и дожидался на лавочкѣ. Рассказывалъ Василию, какъ, бывало, закупалъ въ Охотномъ, — всегда первый сортъ и по усмотрѣнію.

— Сейчас мнѣ табуретку — пожалуйста-съ! — и папиросами угощаютъ. И весь товаръ на виду, только показываешь. Эного вонъ, того... И дичь, и мясо, и рыба — первый сортъ, густое. А, травоѣды несчастные!

Вспоминалъ про сколопендру.

— Нонче еще одну задавилъ, подъ самый бокъ подкатилась... Намедни тоже... слышу — жукаетъ по кастрюлькѣ, лапками стучить, а ходу-то ей и нѣтъ... А ядъ точить, то-о-чить, стерва. Только, было, капиткомъ ее — прыгомъ-выпрыгнула. Вотъ какая стерва! Ну, много ль теперь самоваровъ-то выходитъ?

— Еще пара набѣжала.

— Да-а, попьютъ чайку...

Саша выбѣгала изъ своей комнатки — бокъ-о-бокъ съ кухней, умывалась изъ ковшичка.

— Съ добрымъ утромъ, Мартынъ Егорычъ! На базаръ собрались...

— За сѣномъ ѣдемъ.

Она фыркала и плескалась водой, терла румяныя щеки, брызгала на Василія.

— Самовары пощадите, Александра Петровна.

И жадная А не находящая нигдѣ воды Султанка жадно подлизывала у ея сверкающаго самоварчика, но уже поскрипывали камушки шуршали, шла хозяйка.

Жаркій день будетъ, Александра Петровна... — говорилъ Василій, продувая

самоварчики. — Вы бы туфли, легче ногамъ...

— Я къ каблукамъ привыкла...

— Все росту набавляете...

Съ углового балкона кричалъ бухгалтеръ изъ Харькова:

— Нельзя ли самоваръ поскорѣй!

// л. 16.

До двадцати номеровъ пили свой чай, по комнатамъ, и пили въ разное время. Первымъ шелъ самоваръ, въ дальній номеръ, на горку къ консервному фабриканту изъ Одессы, который подымался первымъ, въ шестомъ часу. Полчасика прогуливался по саду, отпивая глоточками изъ стаканчика, потиралъ у желудка, отрыгивалъ и радовался, что вода дѣйствуетъ. Втягивалъ надушенный за ночь горами воздухъ, смотрѣлъ, какъ возвращаются баркасы съ ловли кефали, по часамъ рѣшалъ, что достаточно походилъ, и шелъ къ сараю, гдѣ спалъ Василій. Стучалъ въ стѣнку.

— Самоварчикъ бы мнѣ!

А по аллейкѣ, поскрипывая корзиной, уже подымался кособокій татаринъ отъ пекаря, несъ горячіе бублики.

Потомъ шли семичасники. Вдова изъ Тамбова, день-деньской покупавшая у грековъ, армянъ и итальянцевъ шали, ковры и всякую всячину, и ея двоюродный братъ, "носатый", сосѣдъ по комнатѣ съ общей дверью, котораго она подымала пить чай въ компаніи. За ними шелъ самоваръ къ горѣломъ, батюшкѣ изъ Конотопа, который сжегъ себѣ спину на солнце и сталъ "горѣлымъ". Онъ выходилъ на общій балкончикъ, расчесывалъ большимъ гребнемъ, щурясь на солнышко, и желалъ вдовѣ поздравлялъ привѣтствовалъ вдову съ прекраснымъ днемъ и желалъ пріятнаго аппетита. Пили чай и переговаривались. Вдова прикрывала лицо новокупленной ccc голубымъ или зеленымъ шарфикомъ легкимъ, показывала на море и говорила пѣвуче:

— Смотрите, точно дышетъ... какъ живое...

Батюшка поварачивался со стаканомъ и тоже хвалилъ:

— Да, да... Подумаешь, сколь много дивнаго и чуднаго въ природѣ!

Наступалъ перерывъ до восьми, когда начинали сыпаться роємъ, и Василій заряжалъ пять добавочныхъ, подгоняя тугихъ на керосинѣ. А пока они набирали пары, у стѣнки поджидали штиблеты. Ихъ было только шесть паръ, потому что, а остальные чистились у мальчишки-грека, каждое утро обходившаго номера. А это — скупые, и поручены были Василю вмѣстѣ съ коробочками мази, только батюшка наказывалъ чистить ваксой. И пока самовары dospѣвали, штиблеты вертѣлись на рукѣ Василя подъ щеткой, поигрывая на солнышкѣ заяснѣвшими щечками. Разъ-разъ, шмыгъ-шмыгъ. Когда сыроваты, Василій водилъ твердо и медленно, а въ головѣ намекала пѣсенка, которую, бывало, мурлыкалъ въ номерахъ, отдѣлывая по двѣнадцати паръ за часъ:

"Какъ у на-шихъ у во-ротъ...

Ускорялась пѣсенка, когда начинали яснѣть бочки и носочки, веселѣй ерзала щетка, — ой, люли, у воротъ! — И сильнѣй расходилась рука, бѣшено прыгала и металась щетка, и прыгало въ головѣ:

Ай, барыня-барыня!

II

Хорошо море въ солнцѣ — съ голубымъ узоромъ серебряная парча. Хорошо и въ вѣтреный день — густосиній, бѣлыми хлопьями волнующійся посторѣ. И при тихой лунѣ — черное, съ играющей чешуей, длиннымъ—длиннымъ луннымъ столбомъ, съ серебряннымъ кольцомъ на дальнемъ краѣ.

И горы хороши, всегда разныя, когда ни взглянешь, и всегда тѣ же: покойная сила и настороженное молчаніе.

И ночное небо, и звѣзды, играющія по морю стрѣлками; выплываетъ изъ—за чернаго гребня, изъ—за колючей сосновой гривы немерцающій Марсъ, красный глазъ, а на восходѣ утрення звѣзда стоитъ на маковкѣ, точно бѣлый, поставленный на горѣ свѣтъ.

Все это хорошо, и учитель Дроздовъ изъ 8 № зналъ про все это много сихотвореній и внятно читалъ ихъ барышнямъ съ верхней терасы пансіона, откуда далеко видно.

"На морѣ праздникъ, воскресенье!"

Клалъ ноги на садовой столикъ, отваливался въ раскидномъ креслѣ, складывалъ руки на пикейной груди и читалъ, а лунный свѣтъ обливалъ горы и все кругомъ, еще гуще чернилъ затаившіеся кипарисы, отражался и въ глазахъ Дроздова, и на носочкѣ штиблета, и на зачесанной на косою проборъ въ мѣру напомаженной головѣ.

"Кричу я въ блестящій просторъ:

О Море!....."

Его слушали барышни, черные кипарисы за кресломъ и самъ онъ, "шутъ напомаженный".

Такъ обозвала его Саша.

Недавно, когда принесла она ему на ночь графинъ свѣжей воды, онъ остановился въ дверяхъ и загородилъ дорогу: былъ навеселѣ

— Куда же такъ поспѣшно?

Смотрѣлъ на нее ласково, склонивъ голову растопыривъ руки, залитый по груди краснымъ виномъ — только что пришелъ съ пробы изъ подвала.

— Бѣлокурая сколопендра...

Она скользнула подъ его рукой въ дверь.

— Шутъ напомаженный!

— Кого вы такъ жестоко? — окликнулъ съ кресла подъ кипарисомъ глядѣвшій на звѣзды Михаилъ Михалычъ, изъ Харькова, банковскій.

И его знала Саша: онъ по—особенному поглядывалъ на нее за табльдотомъ и угощалъ черешнями, когда пришла она поутру протереть полъ.

Она ходила въ бѣломъ передникѣ съ голубой каемкой и въ синей съ бѣ-

// л. 17.

лымъ, "морской" наколкѣ, выданныхъ ей Августой Ивановной, хозяйкой. Она была проворна и чуть вертлява, — маленькая бѣлокурая сколопендра. Такъ называли ее теперь многіе, съ легкой руки учителя Дроздова. За мѣсяць она загорѣла и похудѣла, привыкла ко взглядамъ, къ рукамъ, къ намекающему шопоту и словечкамъ въ догонку и научилась косить глазами и усмѣхаться, бойко и дерзко отвѣчать:

— Ну, вась!...

Она купила себѣ у итальянца поддѣльные кораллы и замѣнила незамѣтную бирюзу въ мочкахъ крупными венеціанскими жемчужинами, которыя ей неожиданно подарилъ румяный студентъ, только одинъ разъ несмѣло сказавшій ей:

— Вы, Саша, очень красивы... На вась пріятно глядѣть...

Только и сказалъ и когда уѣзжалъ, подарилъ серьги.

— Они къ вамъ пойдутъ.

Почему-то она цѣлый день потомъ думала объ этомъ студентѣ, который на цѣлый день уходилъ въ горы за цвѣтами и мало съ кѣмъ говорилъ. Потомъ забыла.

Она и раньше знала, что красива лицомъ. Но теперь многое и еще про себя узнала за этотъ мѣсяць. Докторша изъ Казани сказала какъ-то соѣ[ddd]

— У ней прекрасная фигурка...

И когда Саша оглянулась, — про кого это говоритъ докторша, та ласково закивала ей головой.

— Ну да, да... про вась.

А толстыя дочки сибирячки Капустиной часто накалывали ей голубые бантики въ волоса, вертѣли за плечи и звали "милочкой".

Она знала, что многимъ нравится мужчинамъ, и молодымъ, и старымъ, и даже самъ Виндъ, маленькій толстякъ, всегда занятый счетами и суетный

— Такъ, дѣвочка, такъ...

И первый же мѣсяць показалъ ей, что здѣсь она можетъ хорошо заработать. Лѣсничій изъ Минска, какъ-то разъ ущипнувшій ее за щеку, далъ при отъѣздѣ пять рублей и шутилъ — звалъ съ собой, обѣщалъ въ лѣсу выстроить теремъ-теремокъ, волка-медвѣдя поставить на службу. Опять взялъ за щеку и спрашивалъ отечески:

— Такъ какъ же, а?

Онъ былъ лысъ и грузень, раскатисто смѣялся, и по утрамъ въ его комнатѣ стоялъ прѣлый и тяжелый воздухъ. Къ нему она не пошла бы ни за что

// л. 17об.

III

Уже со второй недѣли затосковалъ поваръ по Москвѣ, — по фонарямъ, по колокольному звону, по внучкамъ, по привычному мѣсту. Не было здѣсь ничего хорошаго — такъ, дикая сторона. Ни церквей, ни бани настоящей, ни мужиковъ ны рынкѣ, ни трактировъ, — ничего. Воронъ-то и тѣхъ не было. Василия объяснялъ, что это югъ, другой климатъ и съ непривычки, конечно, нельзя сразу притрафиться, а если разглядѣть, такъ очень много хорошаго замѣчательнаго. И всякіи цвѣты и море... Поваръ сердился.

— Пить мнѣ его, что ли, море-то твое?! Море-море! Горе одно.

И время-то тутъ было не настоящее, а такъ только — кружило. Только солнышко закатилось, не успѣлъ оглядѣться — ночь. Подъ ногами, куда ни ступи — камни, какъ орѣхами катаются. Кружится публика безъ толку, то туда, то сюда, никакого дѣла не видать. Вся жизнь какая-то ненастоящая.

Ничто ему здѣсь не нравилось. Угостила его какъ-то Саша черешней бѣлой, пожевалъ штучку — плюнулъ.

— Не видалъ я этой дряни!

Заглядывали въ дверь пансіонные — что за поваръ изъ лучшаго ресторана, и видѣли огромную хмурую фигуру, въ широченномъ бѣломъ колпакѣ. Поваръ бурчалъ кастрюлями:

— Поваровъ не видали...

Тоненькіе голоски пестренькихъ голоногихъ ребятъ, обученныхъ студентомъ Бокомъ, пѣли на площадкѣ, передъ дверью:

Передъ тѣмъ, какъ итти спать въ чуланчикъ, присаживался на порожкѣ кухни и смотрѣлъ на море: всегда оно передъ глазами. Море темнѣло и сѣро-палевое, дымное небо за нимъ, небо наступающей ночи казалось страшно далекимъ и пустымъ. Въ это время сильнѣй чувствовалось одиночество и страшная даль ото всего, чѣмъ жилъ раньше. Вспоминалось, что объ эту пору на Пятницкой сидитъ у воротъ господскій кучеръ, а какъ зажгутъ фонари, пойдетъ въ портерную. Во дворѣ сапожникъ, поужинавши, хоромъ поютъ — "Во Броницкахъ нова кузница стоитъ!" И пахнетъ И даже запахъ улицы вспоминался, теплый, густой, съ пылью. Въ чайную пойдешь — всѣ знакомые. Каждый день новое что-нибудь узнаешь: померъ кто или похороны ли какіе съ поминками, или свадьба какая...

Сидѣлъ на порожкѣ кухни. Темнѣло море, темнѣло на горахъ. Звѣзды выплывали, — другія, чужія звѣзды. И голоса другіе: цикады къ ночи начинали сильнѣй звенѣть — нагоняли тоску; въ старыхъ орѣшникахъ уныло кричало, какъ стонъ — у-у... у-у! Нето сова, нето, Богъ ее знаетъ, что Чужое. Начинало за душу тянуть завыванье надъ всѣмъ мѣстомъ, точно по

// л. 18.

побитая собака: жалится. Это такъ молятся здѣсь. Воютъ на все мѣсто — молятся.

Шла мимо нянюшка докторши изъ второго номера, вела маленькую, голоногую, къ ночи теперь совсѣмъ черненькую личикомъ дѣвочку, тащила за ручку. Дѣвочка совсѣмъ спитъ съ воздуха, виснетъ на руки, а старшенькая прыгаетъ впереди и поетъ: ла-ла-ла-ла-ла-ла"...

Про внучекъ думалось — онѣ какъ тамъ?

Съ первыхъ же дней не влюбилъ поваръ мѣста. Кухня маленькая, тяга плохая, жарница, и прохладиться негдѣ, потомъ исходишь. Въ кастрюлю заглянешь — потъ капить. Не понравилась и квартира. Отвели чуланчикъ, ничего, чистенькій, а на стѣнахъ, шутъ ихъ знаетъ, какіе-то рыжіе мохнатые червяки, волосатые. Что такое? Мухоловки! Потомъ черненькіе какіе-то, шустрые, вьюнки. Сколопендры... Первое время боялся разуваться — напугалъ его Василій, что на смерть кусаютъ. Съ недѣлю въ сапогахъ спалъ, потомъ привыкъ. По лбу волдыри пошли, съ грецкій орѣхъ: мошка такая подлая, мускатъ. Все было плохо. На базаръ одного не пускаютъ, хозяйка Августа Ивановна сама ѣздитъ провизию забирать, а его для указанія беретъ, для позоръ: на вотъ, глядитъ — поваръ у меня воръ, такъ сама покупаю. А сама синихъ пѣтуховъ покупаетъ и такую говядину, что ее въ уксусъ два часа держать надо, чтобы видъ ей сообщить. А больше насчетъ кабачковъ, да помидорчики — весь и базаръ. Ну, баранина еще ничего, а цѣну дупятъ! Ахъ, до чего народъ несуразный... Упрется — двасать копѣкъ — ни-куда! Хоть по башкѣ его палкой бей — ни-какъ! Разговору не понимаютъ, а упрямые. А на морду посмотрѣть — издаля видать, что жуликъ. Нѣтъ православнаго крещенаго народу. Хохоль какой попадется

такъ, степная воротяжка — що да що, а больше ничего. Идохнуть некогда. Нанимали на тридцать человекъ, а готовъ на шестьдесятъ съ мелочью. И обѣдъ, и ужинъ. Кастрюлищи какія, а всего одинъ кухонный мальчишка да судомойка хромая. За сорокъ—то рублей! Съ шести до восьми на базаръ, потомъ запрягайся до двухъ. Только обѣдъ отправишь, приберешься, заставишь при себѣ посуду вычистить, — кур пѣтуховъ шпарить да щипать къ завтрашнему. Чайку попьешь — ужинъ готовить надо. А тутъ девятый часъ... Тутъ и пойти некуда. Прямо какъ каторжный работа...

Прикидывалъ, выгодалъ ли что. Не было выгоды. Доходу никакого. При всякомъ дѣлѣ бы какой—нибудь доходъ быть. Василью даютъ, Санькѣ даютъ, а повару кто дастъ? Никто и не видитъ. Съ провизіи ужъ всегда принято по лавкамъ получать, мѣсячное. А тутъ и лавокъ—то настоящихъ нѣтъ, — тамъ по палаткамъ вѣтромъ торгуютъ. Да и не понимаютъ обычая. А нѣмка эта... ахъ, ты Господи! какой народъ!

// л. 18об.

Прикидывалъ поваръ, и видѣлъ, что прогадалъ. Сорокъ рублей жалованья, на тридцать человекъ готовить. Ужъ это норма такая, кого ни спроси, рубль съ персоны доходу въ мѣсяць — въ самомъ плохомъ мѣстѣ, въ пріютѣ какомъ—нибудь со шей съ каши, съ бѣлаго хлѣба.

Прикидывалъ, какъ ѣхать собирался, и выходило, а съ шестьдесятъ—семьдесятъ рублей. Получи ихъ.... А въ Москвѣ плохо—плохо, а всегда хоть разовыми а меньше сорока не выгонишь. Вспоминалъ, какъ обнадеживалъ человекъ отъ Винда. — Съ пансіона всегда доходъ! А всѣ аттестаты пересмотрѣлъ, самые хорошіе аттестаты.

На третьей недѣлѣ разговорился какъ—то съ Василиемъ.

— Вижу, Вася, что ничего для меня здѣсь не выходитъ. Ко дворамъ, видно, подвигаться надо. Обставили меня нѣмцы... Было во мнѣ тогда болѣзненное состояніе... обкрутили они меня. Плюну и ну ихъ къ Богу!

— А условіе—то! По условію—то половину съ мѣсяца въ залогъ, только при отѣздѣ концѣ платятъ. И билета на проѣздъ не выдадутъ.

— Вотъ дураки—то мы и были. Потомъ уже я хватился... Этотъ чортъ меня то да все... /Какъ поваръ ходилъ за мѣсячными/ Доходъ огромный! У троихъ я нѣмцевъ служилъ... эти первые такіе... А только вижу, нѣтъ моего терпѣнія больше... Не выживу...

И когда пришелъ мѣсяць, пошелъ къ Винду.

Надѣлъ вишневою кофту и пошелъ цвѣтникомъ во флигелекъ, гдѣ тѣснился. Виндъ съ женой въ маленькой комнаткѣ, въ одно окошко. Шелъ мимо открытой галереи, гдѣ кушали вечерній чай и читали газеты, и слышалъ:

— Вотъ поваръ—то... знаменитый... — Поваръ нашъ... прогуливается...

Въ первый разъ за мѣсяць вышелъ поваръ въ цвѣтникъ на людяхъ, раньше, и — привыкъ

"Прогуляешься у васъ"

На площадкѣ, обсаженной бѣлыми акаціями, еще не отцвѣтшими, пахучими пряно, молодежь играла въ крокетъ, и студентъ Бокъ смѣшилъ скороговоркой:

При—ни—бѣ—ки—жа—ки—ли—ки

Выз—ки—бу—ки—дѣ—ки—ти—ки,

смѣялись, а повару казалось что смѣются это надъ нимъ. Фабрикантъ изъ Одессы ходилъ по боковой дорожкѣ, отпивалъ изъ стаканчика, и опять ходилъ, размахивая мѣрно шляпой. Пестрая кучка барынь торговала у итальянца брошки изъ ящичка и встряхивала тонкіе яркіе шарфы, а армянинъ въ коричневомъ бешметѣ, съ серебрянымъ плясомъ и покрикивалъ:

— Воздушніе товары!

Поднесъ къ носу повара чадру встряхнулъ оскаливъ бѣлые зубы:

— Молодой женѣ покупай! Самій воздушній!

— Ну, тебя! — отмахнулся поваръ.

// л. 19.

Онъ нашель Винда за столикомъ пере[eee] подъ окномъ комнатки: писалъ Вин<дъ> въ длинной книгѣ со счетомъ и[fff], а Августа Ивановна варила варенье изъ черешень.

— Что такое? — спросилъ Виндъ, даже откинулся на креслѣ.

было во мнѣ тогда болѣзненное состояніе...

Теперь, черезъ мѣсяць, хорошо понялъ, что И каждый вечеръ, передъ сизымъ небомъ за моремъ, вспоминалъ, что подмахнулъ такое условіе, что никакими силами не выдерешься отсюда до срока. И срокъ этотъ, конецъ сезона — зловищимъ словомъ казалось даже это слово сезонъ — половина октября казался такимъ же далекомъ и пустымъ, какъ это дымное надъ темнѣющимъ моремъ небо.

А условіе было крѣпкое и подъ условіемъ этимъ стояла его подъ горку плетущаяся подпись — Мартынъ Потапычъ Форсенковъ. И всѣ измятыя и залитыя, зажелтѣвшіе аттестата были тамъ, при условіи, у Винда, и отъ камеръ-юнкера Вострухина, съ печатью и коронкой на печати, и изъ отъ Тѣстовскаго трактира, и отъ вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонгентросъ. Все забралъ довѣренный человѣкъ отъ господина Винда. Но хуже всего было, что половина жалованья за каждый мѣсяць должна оставаться въ залогъ и должна быть выдана въ концѣ этого проклятаго сезона, вмѣстѣ съ билетомъ на проѣздъ. Иначе не соглашался довѣренный человѣкъ.

И во всемъ всему причиной было болѣзненное состояніе. Два мѣсяца не работаль поваръ

А были такія обстоятельства, что

И слишкомъ соблазнительная условія были пятьдесятъ рублей и доходъ, огромный доходъ! — и слишкомъ запутано было все у повара и подошло какъ р случилось какъ разъ къ самому тихому времени — лѣту.

И такъ все сложилось, что надо было принять — не надо было принимать! — когда сулили золотыя горы. 300 Надо, когда какъ ни урѣзывай, все выходило не меньше, какъ пять четыреста рублей за самый глухой по городской работѣ сезонъ! А вышло...

Теперь, черезъ мѣсяць поваръ видѣлъ, что вышло.

// л. 19об.

И сны видѣлъ поваръ сомнительное, безпокойные. То скалапендра все куда-то ѣхалъ и упускалъ поѣздъ съ саквояжемъ, а самъ ждалъ оставался на пустой платформѣ и страшно тосковалъ, что одинъ теперь, а Василій съ Сашей и съ

внучками уѣхали. То самъ вскакивалъ въ вагонъ, а билета не успѣлъ взять и саквояжъ остался гдѣ-то. Просыпался мокрый отъ поту и волн[ggg] колотилось сердце. То дочь снилась, съ, нехорошая, съ усталымъ лицомъ, слабея, точно покойница и упр говорила: "а умъ какъ-нибудь укрѣпить", не губи ты себя ты себя, папаша..."

... Дождусь перваго числа, буду получать, все объясню.

И когда подошло первое число, подождать, не позоветъ ли Виндъ получать жалованье. Ждалъ до вечера — не позвалъ Виндъ. Тогда надѣлъ вишневою кофту и шапку, чтобы приличнѣе выглядѣть — стѣснялся итти садомъ въ затертомъ пиджакѣ, — и пошелъ цвѣтникомъ во флигелекъ, гдѣ тѣснился Виндъ съ женой въ маленькой комнаткѣ, въ одно окошко. Шелъ мимо открытой галереи, гдѣ кушали чай и читали газеты, и слышалъ:

— Поваръ нашъ... прогуливается...

... Прогуляешься у васъ

Густо пахло съ отцвѣтающихъ бѣлыхъ акацій, но не слышалъ поваря. На площадкѣ молодежь играла въ крокетъ, и студентъ Бокъ смѣшилъ всѣхъ — говорилъ скоро-скоро :

"При-ки-бѣ-жа-ки-ли-ки

"Выз-ки-бу-ки-дѣ-ки-ти-ки..."

Смѣялись, а повару казалось, что это надъ нимъ, надъ его кофтой. Разъ какъ-то слышалъ онъ — сказалъ кто-то, передражнивая[hhh] Винда:

— Поваръ у меня замѣчательный, въ плюшевомъ пальто ходитъ.

Фабрикантъ изъ Одессы ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ со стаканчикомъ и потиралъ у желудка, и студентъ Бокъ и кричалъ: На угловой скамейкѣ, у площадки, подъ каштаномъ, пестрая кучка барынь торговала у итальянца брошки изъ ящичка "о-бон-маршэ", и армянинъ въ бѣломъ бошметѣ съ серебрянымъ поясомъ стряживалъ цвѣтные шарфы:

— Воздюш[iii] Съ воздюшными товарами!

Поднесъ къ носу повара и показалъ бѣлые зубы:

— Молодой женѣ купи!

— Ну тебя! — отмахнулся поваръ.

Виндъ сидѣлъ подъ окошечкомъ, писалъ въ длинную книгу со счетовъ, а Августа Ивановна варила черешню на керосинкѣ.

— Что такое?

Узналъ и вынесъ двѣ красненькихъ, попросилъ расписаться въ книгѣ. Тогда поваръ принялся объяснять все начистоту. Нето чтобы все, а сказалъ,

// л. 20.

про свое бѣдственное состояніе, упомянулъ и про внучекъ, и про сестру, и про Вострухина — къ слову пришлось — и про аттестаты. Объяснилъ, что сгоряча подмахнулъ, и что такъ для него никакъ невозможно. Набралъ воздуха и сказалъ рѣшительно:

— Жалованье цѣликомъ, а... потомъ... меньше какъ за шестьдесятъ я служить не могу....

Августа Ивановна уронила на песокъ камешки, а Виндъ вынулъ изъ кармановъ руки.

— Все это очень грустно... — сказалъ онъ и почесалъ носъ кончикъ. — И не только грустно, но и... недобросовѣстно... Да, да! Не-до-бро-совѣстно!

— Это такъ только невѣжи... невѣжи! — вскрикнула Августа Ивановна. — Да такъ хамы, хамы!

— Виндъ сказалъ ей посвоему, даже стукнулъ перышкомъ о столикъ и передернулъ плечомъ.

— Вы пользуетесь нашимъ стѣснительнымъ положеніемъ! Очень благородно! Вы... не имѣете никакого права...

Мимо проходилъ батюшка съ "трефовымъ королемъ", съ купанья вечерняго купанья, и Виндъ крикнулъ:

— Добрый вечеръ! Какъ вода?

— Дивная вода! — сказалъ батюшка. — Не вода, а парное молоко.

— А батя-то влюбился... — сказалъ трефовый король. — Тамъ одна на дамской половинѣ въ розовомъ плаваетъ... такъ...

— Ха-ха-ха-ха...

— О, у насъ мѣсто романическое... Хе-хе... Добраго здоровья... Да, такъ вотъ... Что вы со мной дѣлаете! Когда пансіонъ полонъ, вы ставите меня... У васъ есть Богъ?! Вы это подумайте! Или я постоянно попадаю на мошенниковъ? Или я самъ, наконецъ, мошенникъ? Я ничего не понимаю... Онъ вывернулся на стулѣ и на лицѣ его выступила обида.

— Да, Отто, мы всегда попадаемъ на мошенниковъ...

— Погодите... Вы, конечно, честный человѣкъ, я отлично понимаю, что вы честный человѣкъ... и васъ, конечно, сманиваютъ... Это у насъ въ порядкѣ вещей. Но... Дайте мнѣ сказать... У Фикъ-Фока вамъ даютъ пять десятъ, да? Но не забывайте... августа Ивановна, я прошу... Не забывайте, что тамъ изъ васъ вытрясутъ всѣ кости, тамъ отпускаютъ на сторону и поваръ работаетъ на восемьдесятъ человѣкъ! Тамъ не даютъ прибавокъ... да, да... а у меня всегда заведено, чтобы поощрять... цѣнить и э-э... укрѣплять...

И опять возвысила голосъ Августа Ивановна, и опять остановилъ ее Виндъ.

// л. 21.

— Второй мѣсяцъ вамъ должно итти сорокъ пять... да, да... Сорокъ пять.

— Гм... — сказалъ поваръ. — Этого я не зналъ.

— Знайте! — крикнулъ Виндъ, вскакивая. — Знайте! Третій мѣсяцъ вамъ идетъ...

Поваръ подался впередъ и потянулъ воздухъ.

— Идетъ... идетъ... тоже сорокъ пять рублей...

— Гм...

— Четвертый мѣсяцъ вамъ идетъ... премія... не половина жалованья, а три четверти на руки и хорошія туфли... Сами выбираете себѣ туфли, въ виду камня, какъ вы говорите... и еще... — онъ опять почесалъ бровь еще... бутылка краснаго или бѣлаго вина по воскресеньямъ.

— Гм... Конечно, это.

— Погодите. И пятый мѣсяцъ вамъ идетъ... это виноградный сезонъ... и... и... пятьдесятъ рублей, какъ одна копейка, прямо въ руки и всѣ половинки. И билетъ на дорогу, и... — вы слушайте, что я вамъ говорю.

И еще премія! Это моя система, система оцѣнки труда, потому что я самъ, двадцать лѣтъ былъ въ аптекѣ и тоже получалъ жалованье, но не получалъ премій!

— Премія? — спросилъ поварь. — Что же полагается?

— Полагается? Это мое дѣло, но я долженъ сказать, очень очень удачная и вполне необходимая премія! Вотъ тогда вы скажете, что и на будущій годъ, будемъ живы-здоровы, — вы прїѣдете уже сами и придете на Морской Берегъ. Согласны?

— Покорнейше благодарю... Только мнѣ бы домой лучше... — сказалъ поварь. — Силы моей не хватитъ.

— Этого нельзя... Я не согласенъ. Въ горячее время я не могу такъ скоро найти повара... А у васъ хватитъ силы, это я хорошо знаю, я уже четырнадцать лѣтъ держу пансіонъ.

— Да-а... — вздохнулъ поварь. — Спасибо и на этомъ, а я ужъ подумаю...

— Да, да... Вы умный человекъ, вы старый человекъ. Господь Богъ видитъ все... все... А, добрый вечеръ... Какъ вамъ понравились горы? — кричалъ Виндъ, замѣтивъ за кипарисами группу а только что вернувшихся съ поѣздки. — И шашлыкъ жарили?

— Сто шашлыковъ, души моей, сто шашлыковъ! — отозвался бухгалтеръ изъ банка, а вдо.

— И чтобы не было больше разговоровъ... я вамъ... только вамъ... — говорите никому — дѣлаю еще маленькую льготу...

Еще разъ поднялъ голову поварь.

— Вы будете получать порц

// л. 21об.

спрашивалъ Виндъ, красный, какъ помидоръ батюшкѣ дожидавшемуся за шахматами.

— Отказывался, помню... — сказалъ поварь, — а только разъ меня свободныхъ денегъ нѣтъ...

— Вотъ въ виду сего и поставлено условіе... Ви это читали, всѣ читали

Тогда поварь сталъ сомнѣваться — можетъ и было это, но тогда была такая горячка, и онъ былъ немного въ такомъ состояніи, что... Въ пивной было дѣло. Въ пивную водилъ его тогда человекъ тотъ, отъ господина Винда.

— Ви деньги свои получите всѣ до копеечки... всѣ... но тогда, когда.

И опять доказывалъ, что такъ всегда и вездѣ, въ горячемъ дѣлѣ.

Тутъ пришли къ Винду новые постояльцы снимать комнаты. Поварь постоялъ, размышляя, какъ же быть и пошелъ потолковать съ Василиемъ. Вѣдь и онъ подписывалъ условіе. Но не нашелъ Василія. Походилъ возлѣ кухни, поискалъ чего-то около, точно затерялъ что. Посмотрѣлъ на солнышко. Было къ пятому часу. Су[jjj]Зашелъ въ кухню. Вынулъ и повертѣлъ три четыре синенькихъ.

— Какъ же это такъ? — спросилъ ведерныя мѣдныя кострули, осыпанныя черными точками мухъ, еще не отчищенные.

Окликнулъ въ окно проходившаго появившагося къ своимъ самоваромъ взмокшаго Василія.

— Вася, милый другъ... Поди-ка сюда, что вышло-то...

— Неко да... — бросилъ Василій, продувавшій самовары. Капли пота падали со лба на крыши блестящія и шипѣли на нихъ.

—[kkk] Появился Вавочка, заглянулъ въ кухню и сказалъ, картавя:

— А папочка говолить, что же намъ самовара не даютъ...

Въ общую столовую, гдѣ пили и общій чай, Саша, съ голубыми бантиками въ волосахъ, въ розовой кофточкѣ, шумя юбкой, почти бѣжала — несла бублики связку и сухари и молоко. За ней шелъ учитель Дроздовъ и пѣлъ<:>

Ка-акъ вѣтерокъ... да-а-а-а ка-каакъ вѣтерокъ...

Подошелъ откуда-то появившійся винодѣль, въ высокихъ сапогахъ, въ бѣлой тужуркѣ, онъ же и садовникъ учоный, стоялъ, покручивая густые рыжіе усы, въ соломенной шляпѣ, съ красной гвоздикой въ петличкѣ, посвистывалъ и руки въ карманы.

Василій бѣгомъ несъ[lll] самоваръ и[mmm]

// л. 22.

IV.

Въ винномъ подвалѣ[nnn] Наверху хозяйничалъ Виндъ, а въ винномъ подвалѣ, [ooo]

Имѣніе, гдѣ былъ пансіонъ Винда, было обширное, на[ppp] переходило съ холма на холмъ и славилось виноградниками. Въ виноградный сезонъ отсюда шли самыя тонкія сорта, столовые, тонкокожіе, сквозные, сладкіе. Но эту службу несли только виноградники ближайшаго холма, ничтожная часть: огромныя же площадки ихъ давали вино, которое поступало въ обширный подвалъ имѣнія. Этотъ подвалъ былъ вырытъ въ горѣ и находился въ завѣдываніи знатока-винодѣла. Ивана Гуленко.

Пансіонъ Винда Морской Берегъ... Винду принадлежалъ пансіонъ, и Виндъ воздвигъ рядъ бѣлыхъ домовъ-казармъ на терасахъ и площадкахъ, вынутыхъ въ горѣ, по пять, по шесть номеровъ въ каждой, взявъ въ долгосрочную аренду изрядный и лучший кусокъ имѣнія у богатаго генерала. Самъ генералъ имѣлъ еще имѣнія, и проживалъ въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь

Въ пансіонѣ хозяйничалъ Виндъ, собственникъ зданій на взятомъ въ долгосрочную аренду лучшимъ кускѣ хо[qqq] передового къ морю холма, по всѣмъ же остальнымъ холмамъ и подъ землею, въ подвалѣ обширномъ хозяйничалъ винодѣль Гуленко. Имѣніе было обширное, переходило съ холма на холмъ и славилось виноградниками. Съ передняго холма шли тонкіе сорта, тонкокожіе, сахаристые — столовые. — ничтожная часть виноградныхъ площадей. Огромныя же площади давали вино[rrr]

IV.

По холмамъ, съ восхода и до заката подъ солнцемъ, на сухой, комковатой почвѣ, прожаривались и наливались виноградники — зелено-желтые лѣтомъ, съ лѣсомъ тычинъ, краснѣющіе по осени, лапистые, хранящіе сочныя грозди. Тянули изъ сыпучаго шифера невѣдомые соки, тянули жаркі<я> лучи солнца и рождали подъ лапистыми листьями сочныя теплыя гроздья. И это соединеніе гусьихъ теплыхъ соковъ земли и калящихъ жгучихъ лучей лѣта рождало и красное, какъ буйная кровь и бѣлое, какъ и золотое, какъ лучъ солнца вино опьяняющее вино.

Только передній холмъ подъ пансіономъ Винда, взятый на долгосрочную аренду,

взятый Виндомъ подъ пансіонъ на долгосрочную аренду, на девяности девять и девять лѣтъ, давалъ столовое, сладкіе сорта, лѣчебнаго винограда. Всѣ другіе холмы давали вино.

На самой верхней терасѣ передоваго холма, надъ всѣмъ пансіономъ,

// л. 22об.

высился вырытый въ горѣ, въ глубь виноградниковъ уходящій подвалъ, замкнутый спереди желѣзными дверью прохладный подвалъ, темный, облож выложенный камнемъ бѣлымъ, старый, уже накапливающій на потолокъ и стѣнкахъ сосочки сверкающихъ на огнѣ сталактитовъ. Отсюда пансіонъ бралъ вино — сотернъ и рислингъ, кабернэ и мускатъ, и розовый аликантэ, пахнущій розами и густое бордо. Разъ въ день, въ горячій полдень отпирался подвалъ. Вдоль стѣнъ, недвижно и плотно сто лежали на дубовыхъ постава пузатыя бочки, темныя, съ мѣловыми надписями на переднихъ днищахъ, съ метриками о рожденіи именами, то шепчущимися молодыми, еще шепчущимися, съ молодымъ виномъ, и мертвымъ, букетъ набирающимъ, молчаливо — старымъ. Въ густомъ кисло-др и пряномъ дрожжевомъ духѣ.

Сила добыли и земляца, укрытая бережно, таящая въ себѣ невѣдомое количество острыхъ и свѣтлыхъ, тупыхъ, тяжелыхъ и страшныхъ мыслей какъ бурная кровь мыслей.

Въ первый разъ

Сюда иногда заходили прїѣзжіе, ходили, пробовали въ изъ, посиживали въ пахучемъ холодкѣ, въ свѣтѣ сплывающей свѣчи, болтали съ молодцомъ подвальныймъ, пробовали изъ бочекъ дальняго края, слушали бурчащій шопотъ, разглядывали на свѣтъ, нюхали и почмокивали и растирали на языкѣ, опять пробовали, и когда выходили на яркій свѣтъ, все вокругъ казалось и ярче, и еще болѣе радостнымъ лился глядѣлъ все кругомъ, и смѣялись горы и солнце расплывалось, и хотѣлось растянуться тутъ же на широкой скамѣ и ни о чемъ не думать.

Здѣсь впервые встрѣтила Саша Ивана Гусенко, молодца-подвального, съ закрученными рыжеватыми усами и соколымъ взглядомъ, на голову выше ея, крѣпкаго, какъ жилистаго, потряхивающаго головой и русымъ хохломъ когда говорилъ. Она робко заглянула съ солнца въ темную глубь подвала съ далекимъ желтенькимъ огонькомъ, съ бѣлѣющимъ пятномъ у огонька.

И въ первый разъ услышала мягкій пѣвучій голось:

Зеленый гай, густо-эсенькій...

Неначи справды ра-ай...

Боясь упасть, поднявъ чуть юбку, она осторожно спустилась въ прохладную темъ подвала, закрыла свѣтъ. И тогда бѣлое пятно здвинулось къ ней, и Иванъ Гусенко, изъ-подъ руки взглянулъ въ ея сторону.

— Вина треба?

Онъ былъ въ бѣлой пикейной тужуркѣ, въ соломенной шляпѣ, въ высокихъ сапогахъ, высокій, на голову выше ея, съ соколымъ взглядомъ. Чуть приподнялъ шляпу, смѣло осматривая — она опустила глаза, — и спросилъ мягко и ласково:

— А талончики?

Она подала ему пятнадцать талоновъ на разные сорта, за штемпелемъ гоподина Винда.

Онъ перебиралъ ихъ на большой ладони, подергивая рыжимъ усомъ и чуть кривя ротъ, небрежно.

— Давно прѣхали?

Справшиалъ лѣниво–небрежно, продолжая перекладывать талоны. Она сказала торопливо и попросила поскорѣй отпустить вино, — садятся обѣдать.

— Какая вы скорая...

Усмѣхнулся, шевельнулъ усомъ, протянулъ руку и выт поставилъ ящикъ.

— Сажайтесь, а я заразъ...

Даже смахнулъ съ ящика рукой, даже шлепнулъ по ящику и ушелъ куда–то. Она осмтаривалась, впервые видя огромныя бочки, въ которыхъ можно было бы уложить десятокъ такихъ, какъ она, читала надписи, уже привыкнувъ къ полутъмѣ подвала, втягивая носомъ пріятный дрожжевой духъ.

Онъ опять появился изъ за бочекъ, со свѣчкой въ одной рукѣ и пяткомъ бутылокъ.

— Вотъ вамъ пяточекъ... а еще... заразъ...

— Лѣнивый какй... — усмѣхнулась она, посматривая, въ его широкую спину и какъ онъ медленно–покойно шагаетъ длинными ногами. — Хохоль, никакъ. Всѣ хохлы лѣнивые...

— Вотъ вамъ еще... теперь все...

Разглядывалъ ее сн сверху внизъ любопытствующимъ взглядомъ, какъ она укладывала бутылки въ карзинуку[sss].

— А не тяжело, а? — спрашивалъ онъ.

— Пустяки какіе... тяжело...

Усмѣхнулась и не взглянула. Подхватила карзину и пошла проворно. Но онъ въ два шага нагналъ ее у лѣстницы, спокойно взялъ у ней изъ руки корзину и въ три прыжка выбрался наверхъ и уже смотрѣлъ оттуда, какъ она подымалась по крутымъ косымъ ступенькамъ, неловко наступая на юбку<.>

— Теперь можете ходить... по ровной дорожкѣ...

И когда передавалъ корзину, поглядѣлъ прямо въ глаза, но она боялась взглянуть, только скользнула по бѣлому рукаву и плечу, сказала — капризно безпокоили себя... — и почти побѣжала, ослѣпленная солнцемъ.

Передъ спускомъ съ верхней площадки къ пансіону, оглянулась. Онъ стоялъ у подвала, заложивъ руки въ карманы, высокій и бѣлый, съ задвинутой на затылокъ шляпѣ, и, показалось, кивнулъ.

И когда опускалось, насмѣшливо сказала себѣ:

— Подумаешь, какой вѣжливый. Хохлы они всѣ вѣжливые, а злые...

— Дай Богъ терпѣнья...

— А я, можетъ и не поѣду съ вами... Возьму да останусь здѣсь...

— Это какъ же ты останешься? Вино пить?

— А вотъ возьму и останусь...

Глядѣлъ на нее поварь — какъ пьяная.

— Много ты винограду сосешь...

— Каждый день фунта четыре съѣдаю... Вотъ вкусный здѣсь! Въ Москвѣ такого отъ роду не видала.

— Ты не видала, а я всякій ѣлъ.

— Ну, а я всякій ѣдалъ. Невидалъ...

А то приносила полную корзиночку и угощала.

— Ну скушайте, Мартынь Егорычъ... Хоть кисточку возьмите...

Василій отворачивался и говоритъ въ сторону:

— Благодарю—съ... только я свой собственный предпочитаю... на трудовые на свои... а чужого мы не ѣдимъ.

Поварь бралъ.

— Ничего, сдакій.

Каждый[ttt] утро въ ея комнаткѣ стояла корзиночка съ самымъ сладкимъ, взятымъ съ лучшей лозы Иваномъ Гусенко: не съѣшь всего.

— Что жъ вы въ подвалъ—то не ходите, Мартынь Егорычъ?

Справшивала и посмѣивалась: знала

— А не съ кѣмъ мнѣ тамъ цѣловаться... — ворчалъ поварь, помѣшивая въ ведерной кастрюль. — Нехорошо тебѣ такъ говорить. Дѣвчонка ты, а я...

Не любилъ и вспомнилъ поварь про то, что было. Былъ онъ въ подвалѣ, пробовалъ изъ бочекъ и бордо, и сотернъ, и рислингъ, и подь—малагу. Выводилъ его изъ подвала Гусенко — время было запираеть подвалъ. Передалъ на руки Василию. Велъ его Василій по саду, а поварь пѣлъ на весь садъ пансіонъ и ругалъ Винда: Кричалъ:

— Я тебѣ не гайка! Винтъ! Что я тебѣ въ плѣнь дался?

Ходилъ по бочкамъ и сп тыкалъ пальцемъ и спрашивалъ:

— А это какое будетъ? Нука—ся, насоси...

Хвалилъ все устройство и одобрялъ, что — "лавочка — холодокъ здѣсь, вотъ что дорого.

— Ну, а это какое будетъ?

Пѣлъ вмѣстѣ съ Гусенко

"За Ой, ходила дѣвчина бережкомъ, Ой ходила дѣвчина бережкомъ

Сняли его въ такомъ видѣ моментальнымъ аппаратомъ, Саша показала ему карточку:

— Вотъ баринъ изъ 7№ велѣлъ вамъ на память передать. Спряталъ поварь карточку — показать кучеру когда. Богъ съ ними!

// л. 24.

VIII

Затрещали ранними утрами сойки по виноградникамъ, зачвокали дрозды. Зажелтѣло и покраснѣло солнечными зажогами. Понесли съ холмовъ груды и зыбкого, и упругаго въ плотныхъ гроздьяхъ, навалили въ корзины и желтаго, и розоваго, и синяго въ морозцѣ. Обвѣсили палатки сквозными кистями и крупной, въ китайское яблоко, рябиной. И вездѣ — виноградъ и виноградъ: и въ камняхъ, и въ морской волнѣ, и въ пыли.

Загремѣль сезонъ.

Ждали что-то особеннаго: сколько разъ слышали — виноградный сезонъ! Виноградный сезонъ! Но ничего особеннаго не было. Только всего и было, что стали продавать и ѣсть много винограду. Ёли вездѣ: и въ комнатахъ, и на улицахъ, и на ходу, и на лавочкахъ. Василий жаловался: не отметишься. Вездѣ надавлено, нашивряны пакеты, катаются ягоды, а Виндъ ходитъ и кричить:

— Что за безобразіе! Подметай!

Пошли новые разговоры съ балкончиковъ:

— Теперъ вы сколько?

— Сегодня до пяти дошелъ.

— Я попробую — Ого! А у меня даже челюсти болятъ. Лучше машинкой буду.

— Боже васъ сохрани! Это такая мерзость...

Появились новыя лица, зашумѣли шелка, засквозили на цвѣтныхъ чехлахъ кружева. Схлынули капоты и блузки, и уже не пѣли по вечерамъ съ подвальной площадки — разѣхалась веселая кампанія. Приѣхала изъ Варшавы банк<ир>ша съ толстая банкирша съ худенькой дочерью, изъ Москвы

Стало похлопотливѣй. Василий жаловался — не отметишься. Вездѣ-то надавлено, нашивряны пакеты, катаются ягоды. А Виндъ покрикивалъ:

— Что за безобразіе! Подметай.

И поваръ жаловался:

— Теперъ на семьдесятъ душъ пошло...

Саша хоть и замучилась съ посудой: то тарелки, то стаканы — сокъ изъ винограда давятъ, — но и жаловалась-то весело. Прибѣгала на кухню гремѣла тарелками, говорила скоро-скоро:

— Жаритесь все, Мартынъ Егорычъ...

— Жаритесь-жаритесь... — передразнивалъ ее поваръ. — вамъ хорошо-съ прыгать да скакать... посадить бы вотъ на плиту... А то прыгъ-прыгъ...

— Да ужъ хорошо-то какъ! Мартынъ Егорычъ!

А разъ побѣжала сзади къ повару и потрясла за плечи.

— Скоро домой поѣдете, Мартынъ Егорычъ. Немножко осталось...

// л. 24об.

А горы — всегда разныя и всегда тѣ же: покойная сила и настороженное молчаніе.

И ночное небо, и звѣзды, играющія по морю стрѣлками. Глядитъ изъ-за гребнѣ, изъ-за колючей гривы немерцающій Марсъ, красный глазъ, а на восходѣ утренняя звѣзда стоитъ на маковкѣ, — тихій, поставленный на горахъ свѣтъ.

Все хорошо, и учитель Дроздовъ зналъ про все это много стихотвореній и читал и его просили читать ихъ при лунѣ. И онъ читалъ ихъ съ подвальной площадки, откуда далеко видно. Складывалъ руки на груди, отваливался на плетеномъ диванчикѣ и читалъ, а лунный свѣтъ обливалъ море и все вокругъ, игралъ и въ глазахъ и на носочкахъ палеваго штиблета и на зачесанной на косою проторь, слегка напوماженной головѣ.

"Кричу я въ блестящій просторъ:
О Море!

Умолкалъ въ напряженной тишинѣ, и вспыхивали вдругъ жидкія и сухія хлопкі, а снизу казалось, что это рассыпали наверху камушки.

Въ эти душныя ночи поваръ не могъ спать отъ въ чуланчикѣ, выходилъ во дворъ, садился на ящикѣ, у сарая и вздыхалъ отъ удушья. Потиралъ у сердца.

// л. 25.

VII.

Прошла черешня, шла пора персиковъ, румяныхъ, сочныхъ, сокомъ прорывающихъ кожицу. Уже и виноградъ начиналъ набирать сокъ. Полнѣтъ шелъ въ наливъ, и въ саду пансіона молодежь тайкомъ рвала созрѣвающія сливы. А ночи поши жаркія, душныя, съ дальними, за моремъ ночными грозами безмолвными. И здѣсь были іюльскія зарницы. Поваръ изнывалъ отъ духоты, перебирался спать на волю. Отсчитывалъ отъ плиты, мочилъ голову изъ кадушки подъ краномъ — не помогало. Выбѣгалъ синебагровый лицомъ въ бѣломъ калпакѣ и пугалъ видомъ Говорилъ: Василию:

— На смерть сюда меня занесло, что чувствую, что не видать мнѣ родной стороны...

— А вы, Мартынъ Егорычъ, не разстраивайте себѣ... Какъ-нибудь ужь...

И Василий отсчитывалъ дни, а они шли и шли, одинъ въ одинъ, всѣ въ солнцѣ, всѣ накаленные, слѣпящіе. Требовали Пили больше, требовали добавочныхъ самоваровъ.

Мѣняли пріѣзжіе и были все тѣ же, какъ и дни.

Прошла черешня, шла пора персиковъ, румяныхъ, сочныхъ, разрывающихъ наливомъ кожицу. Уже и виноградъ шелъ въ наливъ, и пансіонская молодежь сбивала палками созрѣвающія въ садикѣ Винда сливы. А ночи пошли душныя съ тихими ночными грозами за моремъ. И здѣсь были іюльскія зарницы. Въ эти душныя ночи надъ пансіономъ катились отъ подвальной площадки хоровыя пѣсни, и видно было, какъ въ лунномъ столбѣ на морѣ проходятъ черныя пятна фелугъ.

"Реве та стогнэ Дніпръ широкій...

Сердитый вітеръ за-а-а-вива-а...

Неначе чо-о-вен в си-и-ім мо-о-рю...

Жарко звенѣли цикады и душной смолой, жаромъ дня, дышали кипарисы.

Въ эти душныя ночи Саша затаивалась подъ подвальной площадкой, слушала пѣсни и дождалась, когда кончатъ и отпустятъ Ивана.

А у Ивана Кожуха

Хорошо споко тихое Когда

Съ высокой площадки пѣли въ вольный просторъ, не морю, горамъ, всему... И пѣли бы днемъ, если бы не было такъ жарко. Потому что прекрасно спокойное море въ солнцѣ, — все оно голубой блескъ и серебряное сверканье, и стоитъ пѣсень. А въ вѣтеръ! Строгое, сильное — густосин<ее> бѣлыми хлопьями играющій просторъ, закипающій просторъ. А на тихой лунѣ — темное, тяжелое, съ живой чешуей играющее, съ серебрянымъ кольцомъ на дальнемъ краѣ.

// л. 25об.

VII

Черешня прошла, шла пора персиковъ. Ужъ и виноградъ тронулся въ наливъ, а

въ саду у Винда молодежь украдкой потряхивала сливы. Пошли душныя ночи, съ тихими грозами за моремъ: здѣсь тоже были іюльскія зарницы.

Въ эти душныя ночи надъ пансіономъ раскатывались отъ подвальной площадки хоровыя пѣсни смѣхъ, и было видно, какъ въ лунномъ столбѣ на морѣ проходятъ черныя пятна фелугъ.

"Неначе чо–овень в си–и–нім мо–орю..."

И днемъ бы пѣли, если бы не было знойно. Морю пѣли и горамъ, и небу, и всему Божьему міру. Вѣдь и днемъ хорошо оно, покойное, въ солнцѣ, все — голубой блескъ, серебряное сверканье. А въ вѣтеръ — Строгое, — густосиній, бѣлыми хлопьями закипающій просторъ. А на тихой лунѣ — задумчивое, темное, играющее чешуей, съ серебрянымъ кольцомъ на дальнемъ краѣ.

А горы! Всегда разныя и всегда тѣ же: покойная сила и настороженное молчаніе.

А ночное небо и звѣзды, играющія по морю стрѣлками. Смотрить изъ за чернаго гребня, изъ–за колючей гривы немерцающій Марсъ, красный глазъ, а на восходѣ утренняя звѣзда стоитъ на маковкѣ, — тихій, поставленный на горахъ свѣтъ.

Учитель Дроздовъ зналъ много стихотвореній, и его просили читать при лунѣ, съ подвальной площадки, откуда далеко видно. Онъ разваливался на плетеномъ диванчикѣ, складывалъ руки на груди и читалъ, а лунный свѣтъ обливалъ море и все вокругъ, игралъ въ глазахъ и на носочкѣ палеваго штиблета и на зачесанной на проборъ напомаженной головѣ:

"Кричу я въ блещущій просторъ:
О Море!..."

Умолкалъ въ напряженной тишинѣ, и вдругъ вспыхивали сухіе хлопки, а снизу казалось, что разсыпали наверху камушки. И когда уходили по комнатамъ, шли въ смѣхъ и гомонъ, ни о чемъ не думая, разгульные, дурачущіяся, и пѣли уснувшимъ флигелямъ и недовольнымъ, спозаранку забравшимися въ душныя комнаты:

"На дворѣ случилась драка–дракадра–а–ка
"По–о–дралися мужъ съ женой–но–ной..."

Въ эти душныя ночи поваръ томился отъ духоты въ чуланчикѣ, выходилъ наконецъ, на дворъ и набирался забиралъ воздухъ. Садился на ящикъ у сарая и забиралъ воздуху. Слушалъ пѣсни съ горы, слышалъ, что и Василій возится за стѣной, зѣваетъ. Спрашивалъ:

// л. 26.

— Ай не спишь?

— Не спится...

Молчали. Слышали, какъ вокругъ жарко сыплеть за стрекочущимъ звономъ — сила цикадъ подъ горой въ деревьяхъ, играютъ по ночамъ.

— Въ грудяхъ душить... Не спится... Отъ дури тебѣ и не спится... За день небѣгался, челоуѣкъ ты молодой... а отъ дури–то и не спится...

Опять молчали.

— Это вы не такъ, Мартынъ Егорычъ... Челоуѣкъ въ себѣ неволенъ. Разъ я вижу, что... разъ прямо безобразіе... И даже теперъ всѣмъ извѣстно... весь пансіонъ знаетъ... Даже по ночамъ гуляетъ съ нимъ...

— А–а... А ты что же, мужъ ее? Дѣвка ужъ она свою пру знаетъ... Противъ этого

силы нѣтъ...

— Такъ все было хорошо... Я бы для нее ничего не пожалѣлъ...

— Очень ты ей нуженъ! Каждый по себѣ ищетъ, по вкусу. Такъ вотъ и ты... облюбуйешь какую помирнѣй... и пойдетъ дѣло... Я на эти, братъ, дѣла насмотрѣлся... Въ какихъ хорошихъ домахъ жилъ! Госпожи ты Боже мой! Такое круженіе... Вотъ когда у Вострухина у камеръ-юнкера... весь переулокъ у него домовъ и въ банкахъ во всѣхъ деньги... а не мондравился супругъ — ни-какъ! Ну, конечно у него по сторонамъ тоже баловство было... Ну и... ни-какъ! Безъ его къ себѣ допускала на пріемъ... и всякія дѣла... В-вотъ! Билъ ее даже, за глотку бра хваталъ — горничная рассказывали... Никакъ не могъ расположить. Уѣхала отъ него съ полковникомъ.. а теперь, слышать, очень хорошо живетъ... А полковникъ даже, можетъ, мало стоящій... Это, братъ, какъ сапогъ. Другой сапогъ и И хорошъ, а на него не вздѣнешь. Не лѣзетъ... Много ль самоваровъ—то теперь?

— Ну ихъ...

— Зато климатъ замѣчательный...

Гудѣлъ ночной пароходъ, показывалъ огни, дальше и дальше уходилъ въ сверкающее подъ луной море.

— И все-то ѣздютъ... и все это налажено. Безпокойная пошла жизнь... Ай спишь? Пойти — соснуть, что ли...

Зѣвалъ протяжно и уходилъ въ чуланчикъ. А въ это время въ свѣтлыхъ виноградникахъ гуляла съ Иваномъ Кожухой Саша, забывая день. Гуляла до зари, до свѣжей росы. Уже вторую недѣлю гуляла. И когда приходила въ свою комнатушку на, еще долго не могла уснуть, горячая, сама не своя. И не уставла перебирать, какъ это случилось, потому что сладко было припоминать все: и какъ взялъ ее за руку И какъ взялъ ее за руку[uuu]

// 26 об.

и насильно повелъ показать весь подвалъ и какія-то дальнія, замѣчательныя бочки, старыя, дорогія. А на бочкѣ стояла свѣча... А онъ такъ ласково поглядывалъ исподлобья, большой, важный, въ шляпѣ на затылокъ. Чуть посмѣиваясь, шурился. И какъ сказалъ хорошо:

— И що я васъ не угощу? Да я жъ васъ самымъ хорошимъ угощу... розовымъ... душистымъ деликатнымъ...

Качнулъ изъ бочки въ стаканчикъ, показалъ на свѣтъ.

— Только хозяевамъ держимъ... Да ну же, по-пробуйте.. Но якая жъ вы моя сиза, голубка, /ахъ, хорошо какъ сказалъ!/ строгая...

Подавалъ стаканчикъ, и все смотрѣлъ, а рука на бочкѣ, а самъ облокотился на бочку, лѣнивый, важный, а глаза ласковые, въ душу смотрятъ. А подвалъ темный, жуткій въ немъ и бочки такія тихо — только двое да бочки, да свѣчка. А когда стала пить, говорилъ и руку поддерживалъ запрокидывалъ и говорилъ:

— Ще, ще... Да ну же...

Накрылъ рукой, охватилъ вдругъ, притянулъ и заставлялъ пить, и все въ глаза на лицо смотрѣлъ. И не пускалъ. И говорилъ много, и не поймешь что говорилъ и цѣловалъ, всю исцѣловалъ до огня... А какими словами называлъ — никто ее никогда не называлъ такъ. И голубка, и цвѣтикъ маковый, и сердце мое... и еще...

Вспоминала все, все. И какъ убѣжала изъ подвала — и уходитъ не хотѣлось! — охватило жаромъ и ослѣпило солнцемъ. И какъ весь день и скучно, и радостно было, и все валилось изъ рукъ. Тогда и разбила суповую большую миску...

// л. 27.

Пріѣхалъ новый жилецъ, всѣ дни ходилъ съ аппаратомъ и снималъ на ход<у> и Василия, какъ онъ бѣжитъ съ самоваръ, сѣменя ногами и потряхивая, и какъ самоваръ бѣжитъ черезъ, и повара

А жильцы мѣнялись, и какъ-будто был все тѣ же — тѣ же цвѣтныя пятна и бѣлыя пиджаки, тѣ же повадки. Фабрикантъ уѣхалъ, на него мѣсто прибылъ лѣнивый докторъ, который никуда не ходилъ, а полеживалъ по скамеечкамъ, накрывшись газеткой. Уѣхала вдова, повезла багажъ на подводѣ и двоюроднаго брата, на ее мѣсто пріѣхала старая учительница французскаго языка. Пріѣхали три учительницы — сестры: всѣ въ одинаковомъ, всѣ тонкія, какъ платочки. Ходили всегда другъ за дружкой и почему-то молча. Ихъ называли — три сестры. Прибылъ господинъ во всемъ черномъ, въ котелкѣ, въ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, на день куда-то пропадалъ, а вечеромъ неслышно проникалъ къ себѣ. Его Рѣшили, что шпіонъ. Пріѣхалъ господинъ другой, съ пышными сѣдыми волосами и важной повадкой — отнесли съ уваженіемъ: и и и [vvv] два дня считали профессоромъ. По паспорту оказался протодіакономъ, пріѣхалъ лѣчиться виноградомъ. Уѣхали барышни Капустины очень трогательно: обѣщали писать всѣмъ, всѣмъ и опять на будущей годъ пріѣхать. Появился среди мелкихъ фотографовъ любитель настоящей мастеръ своего дѣла, съ кучей аппаратовъ и поснималъ всѣ уголки и все стоящее. Снималъ Василия, какъ онъ бѣжитъ по лѣстницѣ съ самоваромъ, выставивъ локти, съ [www], а самоваръ бѣжитъ черезъ. Снялъ его въ разныхъ видахъ: и какъ онъ стоитъ на передъ своимъ строемъ и, блестящимъ строемъ, руки въ боки, а волосы прилипали ко лбу: и какъ онъ бѣжитъ "пустой", одна нога тамъ, другая здѣсь. И повара во всѣхъ видахъ<>

И самое важное — эту карточку у него многіе просили — повара на священной горѣ: на ящикѣ, въ плюшевой кофтѣ, съ поднятой рукой, показывающей къ небу, а передъ нимъ Винда размахивающаго руками. И съ надписью: Винтъ! А Я тебѣ не гайка! Этотъ снимокъ носилъ названіе: Бунтъ Протее Бунтъ Удаленіе повара на священную гору. Моментъ былъ выбранъ очень удачный. Въ ц [xxx] по среди на ящикѣ поваръ съ поднятой къ небу и грозящей. Передъ нимъ протянувшей къ [yyy] Въ сторонѣ группа любопытныхъ пансіонеровъ съ дѣтьми и передъ поваромъ Виндъ, съ протянутыми руками Подписано было:

Удаленіе повара на священную гору. Виндъ: Но я же... Да, да! Два дня стряпаетъ

Виндъ: — Вамъ прибавлено! Да, да! Вы меня душиите! Вы всѣхъ душиите!

Поваръ показывая пальцемъ въ небо /Винтъ! Я тебѣ не гайка!

// л. 27об.

— Боже васъ сохрани! Во первыхъ никакой пользы, а во вторникъ это такая мерзость...

Въ пансіонѣ появилось много худыхъ, которые ходили каждый день взвѣшиваться и. [zzz] Появилась болѣе богатая публика. Пріѣхала банкирша, евр<ей>ка, и поразила всѣхъ брилліантами. Пріѣхалъ адвокатъ изъ Варшавы. Зашумѣли шелка,

забѣгали на цвѣтныхъ чехлахъ кружевня платья. Схлынули капоты и кофточкі. Уже не пѣли съ подвальной площадки — разѣхалась веселая компанія. И учитель, и бухгалтеръ изъ банка, и свистунъ, — поѣхали заниматься своими дѣлами. Да и вздорожали комнаты сильно. По Сенькѣ и шапка. Каждое утро приходили татары, тащили корзины свѣжаго изъ утреннихъ садовъ, еще тронутаго прохладой упругаго винограда, ударяющаго въ желтизну. Грудами лежалъ виноградъ на всѣхъ углахъ, синій, зеленый, желтый, розовый, первая взятка съ холмовъ и садовъ. Уже Затрещали ранними утрами по виноградникамъ сойки, зачвокали дрозды. Они тоже любили виноградъ, а въ комнаткѣ Саши стояла всегда корзина самаго лучшаго, собраннаго съ хозяйскихъ лозъ Иваномъ Гусенко. Она приносила повару и Василию.

— Благодарю—съ, я, слава Богу, могу приобрѣсти на собственные трудовые.

Поварь бралъ.

— Ничего, сладко. Только что не охотникъ я до фруктовъ. Еще винцо туда—сюда... отъ него душа мякнетъ.

Желтѣло и краснѣло по холмамъ мѣстами — зажоги пошли. Заточнѣлъ воздухъ, заяснѣли горы. Завалило фруктами палатки, и татары таились въ ящикахъ, незамѣтные въ пестрой роскоши душистыхъ плодовъ. Посыпало сливой, грушей, поздними сухумени крѣпкими персиками, тронутыми сѣдымъ пухомъ. Повалили орѣхи съ деревъ, миндаль. Загрѣмелъ сезонъ. Повѣсили татары надъ палатками кисти на ниточкахъ, убрали виноградомъ палатки и крупной въ китайсоке яблоко рябиной. Завалили дынями, желтыми и зелеными, гладкими съ сѣренкими разводами, и бородавчатыми, ребрами. Навалили арбузовъ на мостовой, насыпали каштану. Груши въ ящикахъ — горы и затрещала скорлупа подъ ногами — пошелъ миндаль. Сваливали съ холмовъ золотисто—зеленя груды разсыпающагося зеленого, твердаго, въ прижавшагося, какъ склеенаго чернаго мускату. Настоящія грозди, по — не видно гдѣ вѣтка, — все облѣплено влипли ягоды одна въ другую упругаго прижавшагося плотнаго. Посыпали татарчата съ горъ съ кривыми ножками, обтрепанные татарчата. И съ каждымъ днемъ больше и больше. Несли на рукахъ, везли на рессорныхъ фаэтоновъ, стоя на подножкахъ дорогіе сорта — только успѣвай. И куда ни глянешь — виноградъ виноградъ, даже въ камняхъ на набережной, въ морскомъ прибоѣ, въ пыли мостовыхъ раздавленныя виноградныя слезы.

// л. 28.

VIII

Въ концѣ августа, когда вноградный сезонъ былъ, какъ говорится, въ разгарѣ, по пансіону пронесся слухъ, что пришелъ пьяный поварь и скандалитъ съ Виндомъ. Почти всѣ, кто былъ дома, поспѣшили къ кухнѣ, а любители захватили фотографическіе аппараты.

На площадкѣ у кухни сидѣлъ на припекѣ поварь, въ кофтѣ и шапкѣ и ѣлъ изъ пакетика виноградъ, а противъ него стоялъ Виндъ и размахивалъ руками.

— Не имѣешь права! — кричалъ поварь, выплевывая, обрывая зубами съ кисти ягоды. — Нѣтъ тебѣ надо мной воли! Какая фи—гура! Винтъ! На—ка вотъ, пожарься тамъ, коли ты Винтъ... На сто человекъ на одного человека... я тебѣ не въ плѣнъ дался, нѣ—эть!... Ронялъ ягоды[\[aaaa\]](#)

VIII

Подошелъ виноградный сезонъ. Ранними утрами проходилъ по пансіону татары и раскладывали по столикамъ въ пакетахъ

Поспѣлъ виноградъ и начался виноградный сезонъ. Поваръ ждалъ чего-то особеннаго — сколько разъ слышалъ онъ — виноградный сезонъ, виноградный сезонъ, — думалъ, а ничего необыкновеннаго и не было. Стали продавать и ѣсть много винограду. Всѣ ѣли, куда ни погляди. И въ комнатахъ, и наружѣ, и на улицѣ, и даже натошакъ. Пойдетъ поваръ на базаръ, Василій только-только самоваръ заправляетъ, а по саду ходили и ѣли. Сначала удивлялся, какъ это можно прямо съ постели да за виноградъ, пока не узналъ отъ Василія, что надо для здоровья съѣсть ѣсть какъ можно больше, потому и начинаютъ спозаранку. Стало похлпотливѣй. Саша жаловалась, что одолѣли посудой. То тарелки, то стаканы: сокъ изъ винограда давять, вино свѣжее дѣлаютъ, для здоровья. Василій жаловался: не отметешься. Вездѣ наплевано, пакеты нашвыряны, ягоды катаются, а Виндъ ходитъ и кричитъ:

— Что за безобразіе! Подметай!

Переговаривались съ балконовъ:

— Вы сколько до чего дошли.

— До четырехъ только...

— Ма-ало. Я уже пять съѣдаю...

— Да, такъ вы въ шесть часовъ поднимаетесь. А у меня прямо челюсти сводить. Лучше и машинкой буду.

// л. 28об.

IV.

По холмамъ, на сухой комковатой почвѣ и всегда подъ солнцемъ лежали зелено-желтые лѣтомъ и краснѣющіе по осени виноградники. Тянули изъ сыпучаго шифера пустой теплый сокъ, съ солнца калящій жаръ и наливали грозди. И изъ этого теплаго сока земли и жгучихъ лучей лѣто рождало густое и красное, какъ кровь, и свѣтлое и золотое, какъ солнце, вино.

Только передній холмъ, на море, взятый Виндомъ подъ пансіонъ на долгосрочную аренду, давалъ сахарные сорта столоваго и лѣчебнаго винограда: Всѣ другіе холмы давали вино.

На верхней террасѣ, надъ пансіономъ, помѣщался рытый въ горѣ подвала спереди замкнутый желѣзной дверью, прохладный, темный, выложенный камнемъ, старый, уже накопившій на потолокъ сверкающіе сосочки. Отсюда пансіонъ бралъ вино — сотернъ и рислингъ, кабернэ и мускатъ, розовый аликантэ, пахнуцій розами и густое бордо. Здѣсь, въ пряномъ дрожжевомъ духѣ, лежали вдоль стѣнъ грузными темными рядами дубовыя пузатыя бочки съ мѣловыми надписями на днищахъ — метриками о рожденіи и именами: безпокойныя, шепчуціяся съ молодымъ виномъ и молчаливыя, набирающія букетъ, — со старымъ: бережно укрытая сила будущихъ мыслей, ост легкихъ и свѣтлыхъ, какъ солнце и тупыхъ и тяжелыхъ, какъ земля.

И уже запоздно узналъ все сторожъ, поваръ. Слышалъ, какъ плакала за стѣной Саша, въ голось. Пошелъ къ ней и узналъ все. Все рассказала она ему, заливаясь

слезами, и, что бросилъ мѣсто и уѣхалъ, не сказавшись, не простившись. Давно зналъ, что уѣдетъ и мѣсто себѣ нашель, — сказали ей на квартирѣ, гдѣ стоялъ подвальный.

Плакала, за руки хватала повара, спрашивала, что ей дѣлать теперь.

— Что дѣлать! Ничего не дѣлать... Что тутъ сдѣлаешь?

— Все узнала... все узнала... Двадцать рублей взялъ... говорилъ.. будемъ вмѣстѣ... здѣсь оставлялъ... общалъ...

— Прохвость! По глазамъ видно было, что прохвость...

А тутъ подошелъ Василій изъ темноты, сказалъ:

— Что, Александра Петровна! — Говорилъя вамъ, Александра Петровна... не послушались...

Крикнулъ на него поваръ:

— Ты тутъ еще! скули!

— Обломалъ всю... поизмывался...

Кидалась лицомъ на свою розовую подушку, билась на ней, въ нее кричала.

// л. 29.

IV.

Уже на второй день затосковалъ поваръ — затосковалъ по родному мѣсту, по чайной, гдѣ посиживалъ свободными вечерами, по фонарямъ, по внучкамъ, по воздуху. Ничего-то здѣсь и хорошаго-то нѣтъ. Куда ни пойдешь — горы да солнце печеть.

— Ну, а што мнѣ твое море! Море-море! Пить, что ль мнѣ его?! На вотъ, лупи глаза.

Это такъ, въ раздраженіи. <Нрзб> тѣмъ, какъ идти спать, присаживался на порожкѣ кухни и смотрѣлъ. Море передъ нимъ было, вечернее, свѣтлое, съ еще болѣе свѣтлыми, какъ из иней, рѣками течекій[bbbb] — бѣлое морозцемъ на синемъ. Темнѣло, а онъ все сидѣлъ, чувствуя одиночество и страшную даль отъ того, чѣмъ жилъ раньше и отъ тѣхъ съ кѣ<мъ> жилъ. Теперь, въ эту пору, во дворѣ, на Пятницкой, выбрались къ ворота<мъ> кучеръ, съ которымъ онъ подолгу сиживалъ въ пивной, отводилъ душу въ компаніи. А тутъ и поговорить не съ кѣмъ. Подходилъ Н У На заднемъ дворѣ сапожники и скорняки сидя на доска бревнахъ, въ тихомъ вечерѣ, передъ ужиномъ, поютъ: — Эхъ во броницахъ нова кузница стоитъ... И пахнетъ лѣтней пылью, слѣдами жаркаго городскаго дня знакомый, уютный запахъ. Проживешь шестьдесятъ лѣтъ и привыкнешь, и запахъ станетъ роднымъ и по немъ стоскуешься. Отведешь душу, пожалуешься кучеру и кучеръ пожалуется, поразскажешь про мѣста, про разные случаи жизни. Про удачи и отличія, про камеръ-юнкера Вострухина и про то, какъ самому Скобелеву любимые его котлеты готовилъ. Про И такъ незамѣтно прошелъ вечеръ

Сидѣлъ на порожкѣ кухнѣ. Темнѣло море, темнѣли горы. Звѣзды выплывали. Чужіе, другіе звѣзды. И голоса другіе. Цикады къ ночи начинали звенѣть — тоска, тоска. Въ орѣшникахъ старыхъ такъ уныло что-то кричить, стонетъ — сплю-сплю-у... Чужое...И опять завоюетъ, такъ и завоюетъ надъ всѣмъ мѣстомъ, какъ побитая собака, жалится на что-то. Молятся такъ! Воютъ на все мѣсто — молятся. Чужое...

Мимо идетъ нянюшка докторши изъ второго номера, ведетъ маленькую голоногую, теперь, къ ночи совсѣмъ черненькую личикомъ дѣвочку, тащитъ за ручку.

Дѣвочка совсѣмъ спить съ воздуха, виснеть, въ бѣлой какъ большой какъ колесо шляпѣ. Старшенькая впереди бѣжить прыгаетъ на ножкѣ, поетъ: "ла-ла-ла-ла-ла.

Про внучекъ думается...

Нанимали на двадцать человекъ, а готовъ на пят[cccc] шестьдесятъ. И обѣдъ и ужинъ. Кастрюлищи ворочать, а всего одинъ кухонный мужикъ да судомойка. И день ото дня больше народу.

Мимо проходили въ необходимое мѣсто, посвѣтывали, легкіе, гульливые. Чего имъ! Поѣдятъ, попьютъ, на воду сходятъ, попоютъ, опять поѣдъ->

// л. 29об.

дять-попьютъ. У каждого праздникъ у каждого что ни на есть, а есть. Пожилъ мѣсяць-другой, поотдохнемъ, поѣхали къ своему дѣлу, а тутъ заволокли за тысячу версть да и окрутили. Тридцать рублей! По рублю на день, и обѣдъ, и ужинъ. И никакого доходу. Василию даютъ, Сашкѣ даютъ, а повару кто дастъ. Его и не видитъ никто.

Съ первыхъ же дней не взлюбилъ поваръ мѣста. Кухня маленькая, тяга плохая. Вѣтру нѣтъ /[dddd]жарища, и прохладится некуда. Въ чуланѣ квартиру отвели. И квартира не понравилась. На стѣнахъ чортъ ихъ знаетъ, какіе-то червяки рыжіе, волосатые. Сколопендры эти, чортъ ихъ знаетъ шныряютъ. Боялся первое время разуваться, напугалъ его Василій, что на смерть жилиеть, — сталъ въ сапогахъ спать, потомъ привыкъ. По лицу волдыри пошли — кусается какая-то бестія, мошка. По кулаку волдыри. Муха сила несосвѣтимая — гудеть. Все было плохо. На базаръ народъ одного не пускаютъ, сама Августа Ивановна, ѣздитъ, закупаетъ провизию, а его беретъ для позора: на вотъ, поваръ у меня, воръ, сама покупаю! А сама синихъ пѣтуховъ покупаетъ, да такую говядину, что ее въ уксусъ два часа держать надо, чтобы видъ ей сообщить. Ничего хорошаго нѣтъ. Баранина еще ничего, а цѣну лупятъ. И народъ несуразный. Упрется — двасать копѣкъ — никуда. Хоть по бритой башкѣ палкой бей — ни копейки. А греки эти еще хуже. Жуликъ на жуликѣ. Дешево! Ничего не дешево! Куда не погляди — морды чужіе, глядѣть не хочется. Нѣтъ православнаго крещенаго народу. Ну, хохоль какой попадется — такъ размазня — що да що. И отдохнуть некогда. Съ шести до восьми базаръ, потомъ запрягайся до двухъ, пока обѣдъ не кончился. Приберешься, заставишь при себѣ посуду вычистить, куръ надо шпарить да щипать къ заврему[eeee]. Только чайку попьешь, ужинъ готовить надо. А тутъ девять часовъ. Куда тутъ пойти. Ноги-о гудятъ, какъ столбы. Только одно и хорошо, что кашель, будто, сдаль.

Прошелъ мѣсяць, жалованье не даютъ. Какъ такъ? Пошелъ Въ Винду

Прошелъ мѣсяць и поваръ сталъ просить жалованье. Пошла докладывать Саша — Къ себѣ зоветъ.

Надѣлъ поваръ вишневою кофту, — хоть и жарко, а не было у него лѣтняго, надѣлъ желтоватую[ffff] пиджакъ лѣтній. Пошелъ по цвѣтнику, на хозяйскую половину: Виндъ жилъ въ отдѣльномъ домикѣ, на площадкѣ, гдѣ зрительная труба стояла. Шель мимо галереи, на которой кушали чай вечерній, и слышалъ шопотъ позади:

— Вотъ этотъ поваръ...

— Сразу видно, что поваръ...

—Генеральская походка...

Кругомъ, изъ большихъ горшковъ подымались колючія стебли агавъ, олеандры пахли крѣпко, миндалемъ горькимъ, голову било ароматомъ съ осыпанныхъ цвѣтомъ бѣлыхъ акацій доцвѣтающихъ акацій. На усыпанной площадкѣ молодежь играла въ крокетъ, и студентъ Бокъ говорилъ скороговоркой:

ри-ки-бѣ-ки-жа-ки-ли-ки выз-ки-бу-ки дѣ-ки-ти-ки
вто-ки-ро-ки-пях-ки зоки, вут-ки от-ки цаки от-ки
Ца-ки тя-ки-тяги-тя-ки, тяки

Не разобрать что. И хохотали кругомъ, а повару казалось, что это надъ нимъ смѣются. Ламповый фабрикантъ, принявъ своей воды, и размѣренно ходилъ по нижней площадкѣ, размахивая шляпой. — нагуливалъ аппетитъ къ ужину. Пестрая кучка барынь въ свѣтлыхъ капотахъ окружила итальянца съ ящичкомъ, о "бонъ-маршэ, —, на терасѣ у винда[gggg], армянинъ въ коричневомъ бешметѣ съ серебрянымъ поясомъ, кричалъ, взмахивая чадрами:

— Воздушній товаръ, покупай. Поднесъ къ носу повара, оскалилъ бѣлые зубы и кричалъ: — Возд ши[hhhh]товаръ! Молодой женѣ покупай!

— Ну тебя! — отмахнулся поваръ.

Смѣялись съ итальянцемъ, переве вывернули весь ящикъ. Поваръ нашель Винда на тераскѣ. Сидѣлъ Виндъ, въ шахматы игралъ съ горѣлымъ батюшкой Августа Ивановна развѣшивала собранную черешню.

Узналъ Виндъ, въ чемъ дѣло, пошелъ, вынесъ пятнадцать рублей.

— Поглядѣлъ поваръ на три синенькихъ и сказалъ:

— А еще?

— А еще ? А еще. Когда домой поѣдешь... какъ условіе... перваго[jiii] пятнадцатаго октября, будемъ живы-здоровы...

— Ка-акъ? — спросилъ поваръ, даже на шагъ отступилъ, попалъ. — Этого у насъ не было уговорено...

Виндъ ничего не сказалъ, опять ушелъ и принесъ знакомую бумажку.

— Ви грамотный? Читайте ваше условія...

Поваръ видѣлъ свою подпись: Потапъ Петровичъ Форсенковъ, размашистую, сверху внизъ, прямо подъ подписью довѣреннаго человѣка господина Винда. А палецъ господина Винда показывалъ на нижнюю строчку, напечатанную на машинкѣ, какъ и все условіе: "А жалованье намъ получать въ ежемѣсячно въ половинномъ размѣрѣ, съ тѣмъ чтобы все остальное сразу при расчетѣ, по 15 октября, какъ залогъ выполнения условія

— Не было сего! — сказалъ поваръ.

И Виндъ началъ спокойно объяснять, что все это было, а не вписано потому, что это всегда дѣлается въ пансіонахъ, иначе пансіонъ можетъ въ горячее время остаться безъ прислуги, что залогу они не давали, какъ это всегда бываетъ. Отъ залога отказывался?

Каждый из них задал паспорт и получил наказ — во вторник, к часу дня, быть на вокзал, у багажной кассы: там их найдут и выдадут билеты на проезд.

Первым явился блондинский парень, в новом картузе и потертом пальтишке, с узелком; вскоре тут же подошла запыхавшаяся краснощекая девушка с большим узлом, который она тащила на живот. Стояли и поглядывали друг на друга и на большие часы на стене, показывавшие половину первого. Парень оглядел зеленый с крупными пуговицами жакет, черную косыночку, узел и спросил осторожно, не в Крым ли, к господину Винду?

— Как же, как же... в Крым? — радостно ответила девушка. — И вы в Крым? — То же самое, к господину Винду, для пансиона! А вы сюда, к сторонку, узелок-то... К часу наказывали, а пока никакого результата...

Приглядывались и разговаривали. Он заметил, что она поглядывает на узелок, и объяснял, что все имущество оставил у брата, швейцара на Басманной, а тут только самое необходимое. Тоже, тащить в такую далищу, когда, может, еще и не уживешься! Настоящая его специальность — при номерах, но лютнее время — мертвый сезон, а самовары-то ставить да подавать по пансиону — чего же их не подать! А звать его Васильем.

Девушка рассказала, что все не рвалась ехать в такую далищу, но господа уехали за границу до зимы, — где-нибудь надо же служить до их приезда. А зовут ее Сашей.

— Смотрите, и они никак к нам...

К ним направлялся грузный, с бритым лицом, в широченной, с отвисшими карманами, плюшевой куртке вишневого цвета. Подошел тяжело, укнул, задвинул с пропотевшего лба взерошенную, под котик, шапку, бросил на пол рыжий саквояжик и принялся отираться красным платком.

// л.31.

II.

За месяц пригляделись и привыкли к морю, как привыкают к небу. И к горам пригляделись, — все он перед глазами, точно и нить их. И к невиданным черным кипарисам, напоминавшим родную можуху, к большим, как верба над речкой. Цветущим олеандрам в кадучках. И к белым птицам на море — парусам далеких баркасов.

Есть и нить.

Хорошо смотреть, когда есть время смотреть, когда душа раскрывается сердце любить. Тогда и не смотришь — видишь. А глянешь...

Хорошо спокойное море в солнце — голубой блеск, серебряное сверканье; и в ветер — густосиний, белыми хлопьями закипающий простор; и на тихой луне — темное, тяжелое, живой чешуей играющее в лунном столбе, с серебристым кольцом на дальнем крае.

И горы — всегда разные и всегда те же: покойная сила и настороженное молчанье.

И ночное небо, и звезды, играющие по морю стрелками. Глядит из-за гребня черного гор, из-за колючей гривы, немерцающий Марс, красный глаз, а на

восходѣ утрення звѣзда стоитъ на маковкѣ, точно бѣлый, поставленный на горѣ свѣтъ.

Хорошо все, и учитель Дроздовъ, жилецъ изъ 8№ зналъ про все это много стихотвореній и внятно читалъ ихъ съ верхней терасы пансіона, откуда далеко видно. Разваливался въ раскидномъ креслѣ, складывалъ руки на пикейной груди и говорилъ, а лунный свѣтъ обливалъ горы, море, гуще чернилъ затаившіеся кипарисы, игралъ и въ глазахъ, и на носочкѣ штиблета, и на зачесанной на косою проборъ, въ мѣру напомаженной головѣ.

"Кричу я въ блестящій просторъ:
О Море!...."

Его слушали барышни, кипарисы за кресломъ и самъ онъ, и только краешкомъ уха Саша, разносившая по комнатамъ воду.

Остановливалась и слушала.

... Ишь, шутъ напомаженный!...

Такъ называла она его.

Недавно принесла она ему на ночь графикъ свѣжей воды, а онъ остановился въ дверяхъ и загородилъ дорогу.

— Куда же такъ по-спѣшно?

Смотрѣлъ, склонивъ голову и растопыривъ [jjjj] разведя руки, и на бѣлой груди были капли пролитаго вина.

— Бѣлокуренькая сколопендра!

// л. 32.

Она скользнула подъ его рукой въ дверь.

... Шутъ напомаженный!

За мѣсяць она привыкла ко взглядамъ, къ рукамъ, къ намекающимъ шопотамъ и словечкамъ въ догонку, когда никого нѣтъ, смѣяться глазами и отвѣчать бойко:

— Ну, васъ!

За мѣсяць она загорѣла и похудѣла, темнѣй и глубже стали глаза, бойчей и вертлявѣй походка, и многіе называли ее съ глаза на глазъ — маленькая сколопендра. Пусть называютъ! За мѣсяць она поняла, что можетъ хорошо зарабатывать. Лѣсничій изъ Минска далъ при отъѣздѣ какъ-то ущипнулъ ее за щеку и шутилъ — звалъ къ себѣ въ горничныя, а, уѣзжая, далъ три рубля и опять ущипнулъ.

Она ходила въ бѣломъ передникѣ съ голубой каемкой и въ синей съ бѣлымъ, "морской" наколкѣ выданныхъ ей хозяйкой. У итальянца она купила за рубль кораллы и замѣнила невидную бирюзу въ ушахъ крупными венеціанскими жемчугами, которыя ей совсѣмъ неожиданно подарилъ румяный студентъ. Только одинъ разъ онъ сказалъ ей:

— Вы, Саша, очень красивы... На васъ пріятно смотрѣть.

Покраснѣлъ, а когда уѣзжалъ подарилъ итальянскія серьги.

— Онѣ вамъ пойдутъ.

Дня два потомъ думала она объ этомъ скромномъ судентѣ, который уходилъ въ горы за цвѣтами и мало съ кѣмъ говорилъ. Потомъ забыла.

Она знала раньше, что красива лицомъ, но теперь знала и другое. Докторша какъ-то сказала на балконѣ:

— И красивая фигурка...

И когда оглянулась Саша, — про кого это говорит докторша, — та, смѣясь, закивала ей головой.

Она хорошо знала, что нравится многимъ, и молодымъ, и старымъ, и даже коротконогій толстякъ, Виндъ, всегда занятый счетами и книгами, говорилъ особенно ласково, когда она спрашивала о чемъ-нибудь:

— Да, да, дѣвочка...

Прошелъ мѣсяць, и многое измѣнилось въ ней, и

// л. 32об.

V.

Въ тотъ же день, чѣ чайную пору, въ пятомъ часу, Иванъ Гусенко стоялъ на самой широкой площадкѣ пансіона и разговаривалъ съ учителемъ Дроздовымъ, — рассказывалъ, какъ бродитъ вино и какъ его надо сливать. Онъ шелъ, было, на набережную, но его встрѣтилъ учитель Дроздовъ заговорилъ о винодѣліи... Угощалъ папироской и, видимо, напрашивался еще разъ осмотрѣть понравившійся подвалъ. Подошелъ Виндъ, рука за руку поздоровался съ винодѣломъ, разговаривалъ и похлопывалъ по плечу, подымая руку выше головы, потому что былъ маленькій и толстый, а винодѣлъ смотрѣлъ сверху.

А въ тотъ же день, къ чайной порѣ, еще разъ увидела Саша высокую и статную фигуру въ бѣломъ кителѣ, тужуркѣ. Пришелъ Иванъ Гусенко и сталъ подъ молодымъ каштаномъ, ждалъ кого-то. Она еще издали, когда несла въ [\[kkkk\]](#) на веранду, гдѣ табельдотчики пили чай, связку бубликовъ и масло и молоко, на большемъ подносѣ, и когда увидела его, тихо запѣло въ ея сердцѣ, захолонуло и занялось, а итти надо какъ разъ мимо того углового каштана, гдѣ онъ. А онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, посвистывалъ, не какъ пріѣзжій, и гвоздичка торчала въ петлѣ тужурки, и играли ноги упруго.

— А я до васъ... — пѣвуче, какъ лѣниво, какъ давеча сказалъ онъ, еще издали. — Вынулъ руку и закрутилъ усь. — Будетэ завтра вино брать, чи нѣтъ... А то я до шести вечера подвалъ закрою, въ городъ уѣду.

— Я почему знаю? — сказала она, не смотря на него и прошла.

— По-чему знаю? А вы поспрошайте хозяевъ... Нужно, такъ берите... я не у нихъ служу....

Тутъ подошелъ учитель Дроздовъ и "свистунъ". Подошли, обнявшись, насвистывая изъ.

И когда шла Саша отъ Августы Ивановны съ талончиками для вина, видѣла, какъ оба — и свистунъ, и учитель, похлопывали Гусенко по плечамъ, смѣялись, а онъ звалъ ихъ:

— Приходите, господа... Я вамъ покажу изъ одного боченочка...

Она шла къ нимъ, и видѣла, какъ "свистунъ", сказалъ что-то и на ея счетъ, и про себя обозвала ихъ "шлющѣ".

— Ну что, дознались?

— Ну дозналась... Велено вотъ на случай сколько-то...

— Хорошо, я сейчасъ откроею... — хмурясь дѣловито сухо сказалъ Гусенко. Брали бы

сразу по полсотни... Повернулся и пошелъ. А она, обиженная такимъ пріемомъ, взяла изъ кухни корзину и пошла на верхнюю террасу пло<->

// л. 33.

щадку. Ей попался на первой площадкѣ Василій, бѣжалъ ее обогналъ на средней площадкѣ Василій съ самоваромъ.

— Все по подваламъ гуляете...

— Ну, тебя! — разсердилась она. — Тебя бы заставить...

— Да вѣдь вы бѣгаете—то. Скажите, такъ и я могу принести...

Такъ бы стукнула его корзиной по бѣлой головѣ, дурака. Шла и видѣла, какъ стукнулъ онъ самоваромъ о поднось въ 7№, у вдовы, и вдова, разъ показывшая новую шаль толстухѣ Капустиной, спросила:

— Развѣ можно такъ... Василій... Вы меня испугали...

И вдову хотѣлось ударить корзиной, противная она была, а сегодня вдругъ утро послѣ обѣда, когда принесла она бутылку вина въ комнату "двоюроднаго брата, и тотъ, носатый, заговорилъ съ ней, откуда она, не изъ какой губерніи /они всѣ такъ спрашивали, чтобы заговорить, и она стояла у притолоки, вдова влетѣла, красная, и крикнула барину:

— Ну, что же вы не откубрите вино, я же просила..., — а ей сказала<.>

— Ну, подали, ну и можете итти... тутъ вамъ дѣлать нечего<.>

Было и смѣшно, и обидно. Подумаешь, какая сласть, дуракъ этотъ носатый, какъ журавль, и въ прыщахъ весь... Теперь это припомнилось. А тутъ еще нагналъ Василій и [\[ШШ\]](#)

// л. 33об.

За мѣсяцъ она привыкла ко взглядамъ, къ ручкамъ, къ намекающимъ шопотамъ и словечкамъ въ догонку. Научилась смѣяться глазами и отвѣчать бойко:

— Ну, васъ!

Лѣсничій изъ Минска какъ—то ущипнулъ ее за щеку, а уѣзжая, далъ три рубля и опять ущипнулъ. Былъ онъ сѣдой и грузный, и Саша не любила убирать его комнату, въ которой по утрамъ стоялъ тяжелый и прѣлый воздухъ. Пугалась тяжелаго взгляда изъ—подъ бровей и стѣснялась подбирать юбку, когда протирала полъ.

Синее... Какъ увидала она его съ високаго перевала, осталось оно въ ней и являлось каждое утро и знакомыхъ, и новымъ. И горамъ улыбались глаза ея и смѣялись солнцу, и зеленымъ виноградникамъ на холмахъ, и задумавшимися объ одномъ о чемъ—то кипарисамъ, и розовый черешнѣ въ корзинкахъ, и затяжелѣвшимъ въ цвѣту олеандрамъ въ кадучкахъ, и дымному за моремъ небу къ ночи [\[mmmm\]](#)

Все было ново, и неожиданно, и все это пришло въ свѣжую пору жизни: тогда Въ эту пору все въ свѣтѣ и наливѣ, въ смѣхѣ и напряженіи, въ порывѣ. Все — восторгъ

Все было ново и неожиданно и пришло въ свѣжую пору жизни, когда все бьется и рвется, все въ порывѣ и глаза далеко и остро видятъ, и сердца ищеть, ищеть... Въ ту пору, когда, не спрашивалъ, приходитъ любовь. И пришла она, не спрашиваясь, и пришло въ свѣжую пору жизни, когда, не спрашиваясь, приходитъ любовь. Когда сонъ — не сонъ, когда сердце становится пугливымъ, а взглядъ тревожнымъ и

ищущимъ, и ухо ловить въ молчаніи тишинѣ слышать шумы, когда, не спрашиваясь, приходитъ любовь. Когда все бродить шумит и бродить, какъ виноградные соки въ бродильняхъ шумные шумные

Все было ново и неожиданно и пришло въ свѣжую пору жизни, когда сердце чутко, глазъ жадно хватаетъ и ищетъ и ухо въ тишинѣ слышать шумы; когда горячая кровь шумить и бьется, какъ виноградыне соки въ бродильняхъ: скоро будетъ вино.

По холмамъ, на сухой, комковатой почвѣ, въ буромъ лѣсѣ тычинъ, лежали зеленые лѣтомъ, краснѣющіе по осени виноградники, тянули изъ супучаго [nnnn] шифера густой теплый сокъ, съ солнца калящій жаръ и наливали грозди.

Надъ пансіономъ былъ рытый въ горѣ подвалъ, за желѣзной дверью, прохладный, въ камнѣ, старый, уже накопившій на потолокъ сводахъ сверкающіе сосочки. Здѣсь пансіонъ бралъ вино — сотернь и рислингъ, пахнущее розами аликантэ и густое борода. Въ пряномъ дрожевомъ духѣ лежали у стѣнъ тяжелыя бочки

// л. 34.

и именами: безпокойныя, шепчущіяся, — съ молодымъ виномъ, и молчаливыя, набирающія букетъ, — со старымъ. Бережно укрытая сила будущихъ радостей свѣ [oooo] легкихъ и свѣтлыхъ, какъ солнцѣ, тупыхъ и тяжелыхъ, какъ земля.

Сюда захаживали посидѣть въ пахучемъ холодкѣ, пытливо оглядывали пузатые ряды, пробовали изъ стаканчиковъ свѣже нацѣженное, пузыристое, пѣнистое вино, выдерживали на языкѣ и еще пробовали. И когда выбирались по кривымъ ступенькамъ, ярче смѣялось солнце и зеленѣй били виноградники въ глаза.

Здѣсь пансіонъ бралъ вино: сотернь, рислингъ, пахнущее розами аликантэ и густое бордо, у подвального Ивана Кожухи, медлительнаго, и тяжелаго, взглядывающего изъ-подлѣбя.

Приходили сюда и женщины, посмотрѣть, какъ хранится вино и выходя на солнце, говорили:

— Какой пьянщій воздухъ. А какой взглядъ у этого...

— Тамъ пьянѣешь съ одного воздуху... А этотъ... подземны... У него пьяные глаза...

— У него нахальные глаза, я замѣтила...

— Что-то животное...

— Неприятно, когда онъ смотритъ... Что-то животное... что-то...

Учитель Дроздовъ сказалъ про него за табльдотомъ:

Увѣрю васъ, это фактъ. Въ немъ слишкомъ много мужчины!

— А женщины такихъ любятъ. Въ немъ слишкомъ много "мужчины".

— Винду очень понравилось, какъ выразился Дроздовъ. Онъ смѣялся и гово повторялъ:

— О, да, да! Слишкомъ много мужчины... О, я знаю! О, Иванъ Кожуха.

Здѣсь встрѣтилась съ нимъ Саша. Когда въ первый разъ заглянула она съ солнца въ темноту подвала съ желтенькимъ огонькомъ свѣчи, замѣтила желтенькій огонекъ и бѣлое пятно. Подобравъ юбку, она спустилась осторожно по покатымъ ступенькамъ въ прохладную духоту и закрыла свѣтъ. Тогда былое пятно двинулось къ ней, со свѣчей и она увидала въ отсвѣтъ отъ входа высокую, на голову выше ея,

тяжелую фигуру подвального. Онъ былъ въ соломенной шляпѣ и бѣлой курткѣ, въ высокихъ сапогахъ, рыжеусый. Нъ остановился у бо крайней бочки, облокотился на край передово бочки, въ соломенной шляпѣ на затылкѣ, чуть посмѣивающійся изъ-подъ рыжихъ крутыхъ усовъ.

— Здравствуйте... — сказала лѣниво, не отходя отъ мѣня положенія, и оглядывая передникъ, ноги, и уже потомъ лицо. А талончики принесли?

Должно быть зналъ, что она отъ Винда и пришла теперь вмѣсто того паренька, съ вихрастыми волосами.

И принимая талончики, смотрѣлъ на лицо, незамѣтно посмѣиваясь изъ-по<дъ> рыжаго уса, а она замѣтила, какая у него огромная, волосатая рука. Смотрѣла, какъ онъ перебиралъ на ладони талончики с штемпелемъ Винда, медленно перекладывая

// л. 34об.

[a] Начало варианта Шмелева.

[b] Начало варианта Шмелева.

[c] Начало варианта Шмелева.

[d] опечатка. Следует читать: «сунуль».

[e] опечатка. Следует читать: «Крымъ».

[f] опечатка. Следует читать: «касса-то».

[g] опечатка. Следует читать: «вытертой».

[h] Начало варианта Шмелева.

[i] опечатка. Следует читать: «шапка».

[j] Начало варианта Шмелева.

[k] Вариант Шмелева.

[l] Слово не дописано Шмелевым.

[m] Вариант Шмелева.

[n] Вариант Шмелева

[o] опечатка. Следует читать: «закусывали».

[p] Начало варианта Шмелева.

[q] опечатка. Следует читать: «маленькое».

[r] Предложение не закончено Шмелевым.

[s] опечатка. Следует читать: «до».

[t] опечатка. Следует читать: «пустой».

[u] Варианты Шмелева.

[v] опечатка. Следует читать: «бьютъ».

[w] Вариант Шмелева.

[x] Начало варианта Шмелева.

[y] Начало варианта Шмелева.

[z] Начало варианта Шмелева.

[aa] Начало варианта Шмелева.

[bb] опечатка. Следует читать: «косточки».

[cc] Начала вариантов Шмелева.
[dd] Предложение не закончено Шмелевым.
[ee] Вариант Шмелева.
[ff] Вариант Шмелева.
[gg] Предложение не закончено Шмелевым.
[hh] Вариант Шмелева.
[ii] опечатка. Следует читать: «фабриканта».
[jj] Начало варианта Шмелева.
[kk] Начало варианта Шмелева.
[ll] Начало варианта Шмелева.
[mm] Вариант Шмелева.
[nn] Предложение не закончено Шмелевым.
[oo] Предложение не закончено Шмелевым.
[pp] Вариант Шмелева.
[qq] Вариант Шмелева.
[rr] Начало варианта Шмелева.
[ss] опечатка. Следует читать: «Фабрикантъ».
[tt] опечатка. Следует читать: «Одессы».
[uu] Начало варианта Шмелева.
[vv] Начало варианта Шмелева.
[ww] опечатка. Следует читать: «выбирались».
[xx] опечатка. Следует читать: «Дроздовъ».
[yy] опечатка. Следует читать: «его».
[zz] опечатка. Следует читать: «закатилось».
[aaa] опечатка. Следует читать: «присаживался на».
[bbb] Начала варианта Шмелева.
[ccc] опечатка. Следует читать: «новокупленнымъ».
[ddd] Предложение не закончено Шмелевым.
[eee] Начало варианта Шмелева.
[fff] Вариант Шмелева.
[ggg] Начало варианта Шмелева.
[hhh] опечатка. Следует читать: «передразнивая».
[iii] Начало варианта Шмелева.
[jjj] Начало варианта Шмелева.
[kkk] опечатка.
[lll] Начало варианта Шмелева.
[mmm] Предложение не закончено Шмелевым.
[nnn] Начало варианта Шмелева.
[ooo] Предложение не закончено Шмелевым.
[ppp] Вариант Шмелева.
[qqq] Начало варианта Шмелева.
[rrr] Предложение не закончено Шмелевым.
[sss] опечатка. Следует читать: «карзинку».
[ttt] опечатка. Следует читать: «Каждое».
[uuu] «И какъ взялъ ее за руку» второй раз — опечатка.

[vvv] опечатки.
[www] Начало варианта Шмелева.
[xxx] Начала вариантов Шмелева
[yyy] Вариант Шмелева.
[zzz] Предложение не закончено Шмелевым.
[aaaa] Предложение не закончено Шмелевым.
[bbbb] опечатка.
[cccc] Начало варианта Шмелева.
[dddd] опечатка.
[eeee] опечатка. Следует читать: «завтрему».
[ffff] опечатка. Следует читать: «желтоватый».
[gggg] опечатка. Следует читать: «Винда».
[hhhh] опечатка. Следует читать: «Воздушный».
[iiii] Вариант Шмелева.
[jjjj] Вариант Шмелева.
[kkkk] Вариант Шмелева.
[llll] Предложение не закончено Шмелевым.
[mmmm] Предложение не закончено Шмелевым.
[nnnn] опечатка. Следует читать: «сыпучаго».
[oooo] Начало варианта Шмелева.